
Искра
в золотой тьме
Светлана Рунгорн

Светлана Рунгорн

Искра в золотой тьме

«Автор»
2026

Рунгорн С.

Искра в золотой тьме / С. Рунгорн — «Автор», 2026

«Миг, когда мир треснул» — фэнтези о силе родительской любви и стойкости ребёнка перед лицом древней магии.Одна непроглядная ночь рушит тихое счастье семьи Арканий: маленький Виктор исчезает, похищенный таинственной силой. В мрачном замке Нокта его ждут испытания огнём, водой и искушением причинить боль другому. Но память о доме и слова отца помогают мальчику сохранить верность себе.Лиор и Эллара отправляются на поиски сына. Чтобы добраться до Чёрных Кряжей, где истончается грань между мирами и пробуждается древняя тайна, им предстоит научиться слышать шёпот дома и следовать скрытым знакам. Ведь путь к спасению лежит не через грубую силу, а через любовь, память и готовность идти до конца.Сможет ли свет, живущий в сердце, устоять перед самой густой тьмой?

© Рунгорн С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 6
Глава 1. Ночь, когда дом осиротел 7
Глава 2. Замок из чёрного камня 9
Глава 3. Ключ там, где сердце бьётся чаще 13
Глава 4. Тропа, что ведёт назад, и пламя, что не сжигает дотла 17
Глава 5. Между памятью и ядом 21
Глава 6. Не забывай моё имя 25
Глава 7. Не дай тьме забрать твоё „я“ 32
Глава 8. Приказ Нокта: стереть себя 38
Глава 9. Между долгом и любовью 44
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Светлана Рунгорн
Искра в золотой тьме

Искра в ледяной тьме

Аннотация

«Миг, когда мир треснул» — фэнтези о силе родительской любви и стойкости ребёнка перед лицом древней магии.

Одна непроглядная ночь рушит тихое счастье семьи Арканий: маленький Виктор исчезает, похищенный таинственной силой. В мрачном замке Нокта его ждут испытания огнём, водой и искушением причинить боль другому. Но память о доме и слова отца помогают мальчику сохранить верность себе.

Лиор и Эллара отправляются на поиски сына. Чтобы добраться до Чёрных Кряжей, где истончается грань между мирами и пробуждается древняя тайна, им предстоит научиться слышать шёпот дома и следовать скрытым знакам. Ведь путь к спасению лежит не через грубую силу, а через любовь, память и готовность идти до конца.

Сможет ли свет, живущий в сердце, устоять перед самой густой тьмой?

Глава 1. Ночь, когда дом осиротел

"Тьма не всегда приходит, чтобы
погасить свет. Порой она
выкрадывает его - чтобы однажды
научиться гореть самой".
- из запрещенных записей Хранителей Предела.

Ночь опустилась густая и глухая, и только в одном доме на всю округу распахнутые окна заливали улицу янтарным сиянием. В эту ночь там не спал никто.

Ничто в доме Арканий не предвещало беды. Вечер шёл своим чередом: ужин при свете очага, неспешные разговоры, а после — вечерняя сказка для маленького Виктора. Мальчик слушал, вжавшись в отцовское плечо, ловя носом запах дымка и пожелтевших страниц, а дослушав до конца, тихо потянул отца за рукав:

— Пап, а это правда — что тьма боится света?

Отец улыбнулся и пригладил его волосы:

— Правда, сынок. Даже самая чёрная тьма разбегается от доброго слова, от улыбки, от огня в нашем очаге.

Виктор кивнул и задремал. Родители укрыли его потеплее, поцеловали в лоб и погасили ночник — оставили лишь тлеющие угли, чтобы мальчику не было страшно. Затем ушли к себе, но ещё долго перешёптывались в темноте, вслушиваясь в родные скрипы и вздохи старого дома. Усталость в конце концов взяла своё, и глаза закрылись сами.

А затем тишина изменилась: стала плотной, давящей, накрывшей дом, как крышка котёл, — и даже собственное сердцебиение вдруг гремело оглушительно.

В детской шевельнулось то, что жило в углу, где тень лежала гуще всего. Из мрака медленно проявилась высокая фигура в чёрном плаще. Ткань её не была тёмной — она пожирала свет: ни один отсвет очага не касался её. Незнакомец стоял неподвижно, и от него шёл холод, не тот, что гонит ночной ветер, — другой, от которого стынет не кожа, а сама память о тепле.

Он шагнул к кровати. Половицы не издали ни звука — пол затаился. Виктор во сне наморщил лоб, почуяв этот холод, но не проснулся. Тонкая рука в чёрной перчатке потянулась к мальчику — и в то же мгновение комнату поглотила тьма - густая, смолистая, а следом расползался туман, не пришедший извне и не сочащийся сквозь щели. Он рождался прямо в воздухе, заполнял комнату, глушил звуки, стирая очертания вещей.

Когда пелена чуть поредела, детская опустела. Кровать была заправлена ровно, никем не тронутая. Лишь на подушке остался едва различимый след от головы да крошечный лоскут одеяла, зацепившийся за резной столбик, — мальчик держался до конца, но его всё же утянуло во мрак.

И тогда в мёртвой тишине прозвучал тонкий звон — как от щелчка по хрусталю. Над изголовьем слабо разгорелся оберег: серебряная пластина с вытравленными рунами, которую дед Арканий когда-то прибил «на всякий случай». По её краю пробежала золотая искра, и на один удар сердца тьма сжалась, отступила. Но сила, утащившая Виктора, оказалась слишком велика: оберег не удержал мальчика, лишь отсрочил неизбежное. Искра дрогнула и потемнела, пластина треснула пополам, и половинки её тихо звякнули о деревянный пол.

Тут же Эллара, мать Виктора, рывком села на постели, от толчка в грудь. Сердце колотилось так, что перехватило дыхание, а в ушах ещё стоял тот хрустальный звон, которого на самом деле быть не могло.

— Виктор… — выдохнула она, и в голосе уже жил ужас.

Она вскочила и кинулась в детскую; отец, разбуженный её движением, рванулся следом, запутавшись в одеяле. Дверь распахнулась — и оба застыли на пороге. Пустая тихая комната, поблёскивающие на полу осколки оберега, а в воздухе — лёгкий привкус озона, оставшийся от молнии, ударившей совсем рядом, за самой стеной.

— Нет… — прохрипел отец, глотая воздух, которому вдруг стало нечем дышать. — Нет. Этого не может быть…

Эллара опустилась на колени и дрожащими пальцами подняла обе половинки. Металл ещё хранил чужой холод, хотя мгновение назад на нём полыхала искра. Руны на серебре почернели, края их расплылись — металл оплавился изнутри.

— Он сработал… — прошептала она, глядя на мужа расширенными от ужаса глазами. — Сработал, но не до конца. Значит, Виктор ещё где-то между… там, где тьма ещё не сомкнулась до конца. У нас есть время.

Отец кивнул и стиснул кулаки до белых костяшек. Паники в его взгляде больше не было — только ледяная решимость, приходящая тогда, когда страху уже не осталось места.

— Мы найдём его, — отрезал он. — Дом помнит. Стены помнят. Раз оберег хоть на миг сковал тьму — след существует. И мы пойдём по нему.

Глава 2. Замок из чёрного камня

"Тьма не удерживает того, в чьей груди ещё живёт искра. Но всякая искра, попавшая во мрак, рано или поздно вспыхивает пожаром".
Из записей Аркания Старшего.

Ветер нёс Виктора сквозь ночь — мальчика, поднятого в воздух и подхваченного бурей. Руки, что держали его, он не чувствовал: только ледяной поток забирался под пижаму, обжигал кожу холодом и выбивал мелкую дрожь из сжатых зубов. Перед глазами проносились тёмные силуэты: верхушки деревьев, серебристая гладь озера, рваные гребни гор, поднимавшихся всё выше — земля тянулась к небу.

Он попытался закричать, но воздух стоял плотный, давил на грудь и не пускал внутрь ни глотка. В какой-то миг Виктор зажмурился, лишь бы не видеть, как мир растягивается в размытую чёрную ленту с редкими вспышками — то ли молний, то ли чего-то чужого, холодного, пульсирующего совсем рядом с кожей.

Полёт оборвался внезапно, до боли в груди. Его опустили на каменный пол, и стужа мгновенно прошла сквозь тонкую ткань штанин, впилась в колени, в ладони, которыми он упёрся в холодный камень. Виктор распахнул глаза и не сразу сообразил, куда его принесли.

Вокруг возвышались исполинские стены из антрацитового камня — как застывшая ночь. Сквозь узкие бойницы с железными прутьями сочился мертвенный свет далёких звёзд. Воздух был густой, пропитанный сыростью и горьким запахом жжёных трав, от которого першило в горле.

Виктор попробовал пошевелиться — руки оказались стянуты тонкой, но невероятно прочной верёвкой. Он дёрнулся, и она обожгла запястья, оставляя ощущение, что её пропитали чем-то жгучим. Паника подступила к горлу, но он стиснул зубы и заставил себя дышать ровно. Отец повторял: «Самая густая тьма рассыпается от одного доброго слова, от улыбки, от огня в нашем камине». Мальчик закрыл глаза и стал повторять эти строки про себя — щитом, который удержит холод хотя бы на расстоянии вытянутой руки.

Рядом раздалось тихое всхлипывание. Виктор повернул голову: девочка лет семи сидела, обхватив колени руками. Волосы её были растрёпаны, глаза — огромные, переполненные страхом. Чуть дальше сидел мальчик постарше: он не плакал, но смотрел перед собой с таким напряжением, что казалось — крик разорвёт его изнутри. Дальше, в полумраке, угадывались другие фигуры — дети, такие же испуганные, такие же связанные.

— Где мы? — негромко спросил Виктор, но голос вышел глухим: стены поглощали звук, не оставляя даже эха.

Девочка шмыгнула носом и прошептала:

— В замке. Я не помню, как сюда попала. Было темно, потом кто-то схватил меня… А потом я здесь.

Мальчик постарше нахмурился:

— Это не замок. Это тюрьма. Или школа. Я слышал, как они говорили про школу.

— Про какую школу? — голос Виктора дрогнул, но он постарался скрыть страх.

— Тёмной магии, — выдохнул мальчик. — Я не знаю, что это значит. Но они сказали, что мы все особенные. Что в нас есть сила.

Виктор нахмурился. Сила? В нём? Он умел лазить по деревьям, помогал отцу чинить забор, любил слушать истории у камина… Никакой силы он в себе не находил. Только холод и страх, сплетённые в тугой узел под рёбрами, да странная тяжесть в груди — давящая, каменная.

В этот миг тяжёлые двери распахнулись, и в зал вошёл тот самый высокий человек в чёрном плаще. Теперь Виктор мог разглядеть его лицо: острое, с резкими чертами, с глазами, в которых не осталось ни тепла, ни жалости — один холодный расчёт. За ним следовали ещё несколько фигур в таких же плащах, пониже ростом, и их шаги дробились о камень неровным многократным эхом.

Незнакомец остановился в центре зала и медленно обвёл взглядом детей.

— Вы все здесь не случайно, — произнёс он, и каждое его слово прозвучало высеченным из камня. — В каждом из вас дремлет древняя магия. Она спала долгие годы, пряталась от мира, от ваших родителей, даже от вас самих. Но пришло время её пробудить.

Дети переглянулись. Кто-то снова всхлипнул. Виктор стиснул кулаки — верёвки впились в кожу, но он не отвёл взгляда.

— Мы не хотим, — тихо, но твёрдо сказал мальчик постарше. — Мы хотим домой.

Человек в чёрном усмехнулся, и от этой улыбки по спине Виктора пробежал ледяной озноб — по позвоночнику прошёлся холодным лезвием.

— Ваш дом теперь здесь, — произнёс он. — Здесь вы научитесь управлять своей силой. Здесь вы поймёте, что значит быть по-настоящему могущественными. А пока ваша магия — дикая, неукрощённая стихия. И пока она не станет послушной, вы останетесь здесь. Под нашей защитой.

Слово «защита» прозвучало насмешкой, и эхо повторило его дважды, прежде чем оно угасло под потолком.

Один из помощников подошёл к детям и начал раздавать грубые серые плащи.

— Наденьте, — коротко бросил он. — Здесь холодно. А ночь только начинается.

Виктор накинул плащ — тот оказался неожиданно тяжёлым, сотканным не из ткани, из теней. Он запахнулся плотнее, но стужа не отступала; она просачивалась сквозь саму ткань, вытягивая последние остатки тепла.

Тем временем человек в чёрном поднял руку, и над ладонью вспыхнул сгусток тёмного пламени — не жёлтого, не оранжевого, а глубокого, почти чёрного, с фиолетовыми прожилками. Оно не грело — оно вытягивало тепло из воздуха, и Виктор почувствовал, как по коже побежали мурашки, хотя огонь горел в добрых десяти шагах.

— Ваша магия похожа на это пламя, — произнёс он. — Она не такая, как у обычных волшебников. Она древнее. Сильнее. Опаснее. И если вы не научитесь её контролировать, она поглотит вас.

Дети молчали, вглядываясь в странное пламя в надежде найти в нём ответ.

— А если мы не хотим учиться? — снова подал голос мальчик постарше.

Человек в чёрном опустил руку, и пламя погасло, оставив после себя лёгкий кисловатый, едкий запах гари, который ещё долго висел в воздухе.

— Желание здесь не имеет значения, — спокойно ответил он. — Магия выбрала вас. А она не спрашивает разрешения.

С этими словами он повернулся и направился к выходу. Помощники последовали за ним, оставив детей одних в полумраке зала. Двери закрылись с тяжёлым скрежетом, и эхо шагов растворилось в тишине — такой плотной, что Виктор различал биение собственного сердца.

Только тогда девочка, сидевшая рядом, тихо спросила:

— Ты веришь ему?

Виктор помолчал, прислушиваясь к себе — к чему-то глубокому, тихому, едва уловимому внутри, к далёкому шёпоту ветра среди ветвей.

— Не знаю, — честно ответил он. — Но я знаю одно: я не останусь здесь навсегда. Я найду способ вернуться домой. К маме. К папе.

Девочка кивнула — слова эти согрели её хоть немного.

— Меня зовут Мира, — прошептала она.

— Виктор, — ответил он и чуть наклонился к ней, заслоняя от холода, который проникал даже сквозь каменные стены.

Где-то далеко, в другом конце замка, глухо ударил колокол. Звук был низким, тяжёлым — он отсчитывал не часы, а судьбы. Дети вздрогнули, и кто-то снова едва слышно всхлипнул.

Но Виктор вновь вспомнил слова отца: «Самая густая тьма рассыпается от одного доброго слова, от улыбки, от огня в нашем камине». И хотя здесь не было ни камина, ни улыбки, ни даже слабого огонька, он тихо прошептал:

— Мы выберемся. Я обещаю.

И в тот же миг в глубине его груди шевельнулось что-то тёплое — совсем крошечное, но живое. Искра, которую не задул даже этот ледяной ветер.

В то время как Виктор сжимал кулаки в холодном зале мрачного замка, дом Арканий жил встревоженной, почти лихорадочной жизнью.

Эллара металась по детской в надежде найти хоть какой-то знак — забытую игрушку, смятый уголок одеяла, всё что угодно, что укажет, куда исчез её сын. Пальцы дрожали, когда она касалась резного столбика кровати, а взгляд снова и снова возвращался к осколкам оберега, поблёскивавшим на полу каплями застывшего серебра.

— Здесь ничего нет, — глухо произнёс Лиор, стоя в дверях и сжимая кулаки так, что вены вздулись на руках. — Ни следа, ни запаха, ни намёка. Только этот треснувший металл.

Эллара подняла на него взгляд — полный отчаяния и упрямой решимости:

— Но он сработал. Сработал — значит, магия ещё держит нить. Искать надо не глазами, а памятью. Дом помнит всё, что в нём происходило.

Она резко повернулась, выбежала в коридор, промчалась мимо камина, где давно остыли угли, и бросилась к старому сундуку в углу гостиной. Дерево скрипнуло, когда она откинула тяжёлую крышку, и из недр ударил запах лаванды и старой бумаги — пыльный, горьковатый, запах осевшего времени.

Внутри лежали пожелтевшие письма, сухие лепестки и потрёпанная тетрадь с записями деда Аркания — тот всегда повторял, что «тайна прячется там, где её перестали замечать». Эллара схватила тетрадь и начала листать страницы, исписанные мелким острым почерком: рядом с заметками о травах и звёздах то и дело мелькали слова о «пограничных местах» и «следах чужой магии».

— Вот, — прошептала она, водя пальцем по строкам. — Дед писал, что тёмные школы всегда строят там, где земля истончается, где граница между мирами становится тонкой. Обычно это высокие горы, окружённые лесом, вдали от людских троп.

Лиор подошёл и склонился над страницей, вглядываясь в едва разборчивые пометки и схематичный набросок горного хребта.

— Это Чёрные Кряжи, — тихо сказал он, испугавшись собственной догадки. — Туда никто не ходит. Говорят, там даже птицы не поют.

Эллара захлопнула тетрадь, прижала её к груди и подняла на мужа глаза — твёрдые, полные слёз, но не сломленные: Лиор долго молчал. Потом медленно кивнул — в этом движении было и согласие, и прощание с прежней жизнью, где по вечерам пахло пирогами, а не дорогой.

— Соберёмся к рассвету, — сказал он наконец. — Тёплые плащи, еду, всё, что осталось от дедовых трав. И оберег. Даже треснувший.

Эллара уже не слушала — её руки сами перебирали содержимое сундука, откладывая в сторону сухие пучки полыни и зверобоя. Где-то на дне, под письмами, нашёлся маленький кремнёвый амулет — дед Арканий носил его всю жизнь и уверял, что он «знает дорогу лучше любой карты».

— Слышишь? — она подняла амулет на ладони, и тот едва заметно потеплел. — Он тянет. На север.

За окном ночь начинала редеть, и первые серые отсветы ложились на пол детской. Эллара остановилась у кровати сына, поправила съёжившуюся подушку — пустую, хранящую только тепло вчерашнего вечера — и прошептала слова, которые говорила ему перед сном:

— Спи, малыш. Мы уже идём.

Лиор стоял в дверях с двумя дорожными сумками и смотрел на жену. В его глазах, усталых и покрасневших, горело то же, что и в её, — упрямая, не сдающаяся надежда. Он произнёс тихо, скорее себе, чем ей:

— Чёрные Кряжи. Что бы там ни ждало.

— Мы пойдём туда, — ответила Эллара, застёгивая сумку. — Даже если придётся идти по звёздам и по памяти. Мы не оставим его там.

А далеко на севере, за перевалами и чащами, в холодном зале из антрацитового камня мальчик по имени Виктор сжимал кулаки и повторял своё обещание. Искра в его груди не гасла.

Глава 3. Ключ там, где сердце бьётся чаще

"Ключ не ищут в темноте — его
носят в груди. Там, где сердце
стучит громче всего, стах
сторожит дверь, а память помнит
дорогу".
- из записей Аркания.

Лиор неторопливо провёл ладонью по тёмным балкам над дверью — по тем самым, что каждую осень скрипели, жалуясь на сырость. Он искал не звук и не трещину, а крошечные насечки, почти стёршиеся за годы: дед Арканий любил прятать знаки там, где их перестают замечать. Эллара в это время стояла у камина, скользя пальцами по швам между кирпичами, и пепел давно погасшего огня отдавал ей в лицо сухим, горьковатым запахом. В одной из дедовых записей значилось: «Истина прячется в швах — там, где одно заканчивается и начинается другое».

— Здесь, — вполголоса произнесла она, наклонившись. Между двумя кирпичами угадывалась едва различимая бороздка, а на её дне — крошечная выемка в форме полумесяца. — Совсем не случайность.

Лиор подошёл ближе и прищурился. Эту деталь он помнил с детских лет, но всегда принимал за изъян кладки. Теперь перед ним была часть узора, который дом выводил долгие годы, терпеливо дожидаясь, пока кто-то снова научится его разбирать.

— Дед писал о «границе в собственном доме», — пробормотал Лиор, доставая тетрадь. — О том, что некоторые места — не просто стены и пол, а переходы. Тонкие места.

Эллара распрямилась, и её взгляд обошёл комнату так, будто она... нет — так, как оглядывают незнакомое жилище впервые:

— Выходит, сам дом может оказаться картой. Но куда ведут эти линии?

Она подошла к книжной полке и провела рукой по корешкам. На одном — старом сборнике легенд — вдруг проступила тонкая гравировка: не буквы, а завиток, похожий на след дыма. Лиор нахмурился:

— Такой знак я встречал в записях о Чёрных Кряжах. Он означал «место, где тени длиннее, чем положено».

Они встретились глазами. В этом взгляде смешались облегчение — они двигались верно — и холодок тревоги: каждый новый знак подтверждал, что история куда страшнее, чем им казалось.

Пока Лиор сверял завиток с пометками в тетради, Эллара опустилась на колени у старого ковра и аккуратно подняла его край. На половице сверху выгорала странная спираль — не ровная, а дрожащая, как след раскалённого прута. В её центре темнело крошечное отверстие.

— Это замочная скважина, — прошептала Эллара, и голос её дрогнул. — Но ключа нет. Или... ключ — это нечто иное.

Лиор наклонился ниже, изучая линии спирали.

— У деда в записях есть фраза: «Ключ там, где сердце стучит чаще».

Эллара внезапно замерла, прижав ладонь к груди.

— Он не имел в виду настоящий ключ. Он говорил о страхе. О том, что такие двери откроет лишь тот, кто боится — и всё равно шагает дальше.

В этот миг дом глубоко вздохнул: не скрипом — чем-то более сокровенным, и казалось, что внутри стен пошевелилось древнее существо, равнодушное к человеческим тревогам.

Половица под спиралью тихо щёлкнула и чуть приподнялась, открывая узкую полость. Внутри лежал маленький металлический диск с тем же полумесяцем, что и на кирпиче.

Лиор поднял диск и повертел в пальцах. Металл был холодным, почти ледяным — тем особым холодом, которым обжигает старое железо зимней ночью, — а на обратной стороне виднелись мелкие насечки: не буквы и не цифры, а странные символы, напоминающие следы когтей.

— Что это? — тихо спросила Эллара.

— Не знаю, — признался Лиор. — Но дед никогда ничего не делал просто так.

Он перевернул тетрадь и отыскал страницу, где рядом с похожими знаками стояла короткая приписка: «Не ищи путь глазами. Ищи его памятью. Идущий по памяти видит то, что скрыто от других».

И тут Эллара вспомнила.

— Когда Виктор был совсем маленьким, он как-то сказал, что в коридоре «тень смеётся». Я сочла это детской выдумкой. Но теперь... теперь мне думается, он видел нечто такое, чего не видели мы.

Лиор резко вскинул голову:

— Ты полагаешь, он чувствовал тонкие места?

— Думаю, да, — прошептала она. — И, быть может, именно поэтому его забрали. Не случайно. Дом шептал ему свои тайны — и они это заметили.

С каждой новой разгаданной подсказкой путь к сыну не прояснялся — напротив, расплывался, как отражение в мутной воде. Чем больше они узнавали, тем яснее понимали: Чёрные Кряжи — не просто точка на карте. Это узел, где сплетаются старые дороги, забытые клятвы и древняя магия, которую давно пытались вычеркнуть из людской памяти. И чем ближе они подбирались к разгадке, тем сильнее чувствовали: идут не просто по следам похитителей, а по краю страшной, тщательно спрятанной тайны — тайны, что существовала задолго до рождения Виктора и, возможно, ждала именно его.

Лиор стиснул диск в руке, ощущая, как металл пробирает холодом сквозь кожу — ледяной корень, прорастающий прямо в ладонь.

— Нам пора идти, — сказал он, поднимаясь. — Не потому, что знаем путь, а потому, что не можем здесь остаться.

Эллара кивнула, спрятав тетрадь за пазуху. Пальцы её подрагивали, но голос прозвучал твёрдо:

— Тогда идём. Пусть дорога будет туманной. Лишь бы она вела туда, где ещё можно успеть.

Они вышли в коридор, и дом снова вздохнул — но теперь вздох этот звучал не печально, а насторожённо, с ощущением того, что вот-вот откроется дверь, за которой начнётся необратимое. Лиор потянул тяжёлую входную створку, и в лицо им ударила ночная прохлада с запахом дождя и далёкого леса.

И в то самое мгновение, когда они переступили порог, диск в руке Лиора дрогнул. Сначала едва ощутимо — внутри что-то щёлкнуло. Затем холод усилился, и металл словно набрал в себя всю зимнюю стужу, какая бывает в горах. Лиор невольно разжал пальцы, но тут же сжал их снова: отпустить означало сдаться.

— Он... отзывается, — прошептал Лиор, глядя на диск. — Что-то чувствует.

Эллара наклонилась, вглядываясь в символы:

— Смотри. Насечки чуть светятся. Совсем слабо — изнутри.

И правда: тонкие линии на обратной стороне диска едва мерцали тусклым голубоватым светом, в котором затеплился далёкий, чужой огонь.

— «Тот, кто идёт по памяти...» — негромко повторил Лиор фразу из тетради. — Значит, он откликается на то, что мы помним. На то, что нам дорого.

Диск не просто остыл — он пульсировал в такт их шагам: с каждым шагом Лиора металл едва вздрагивал, а свечение разгоралось и гасло, откликаясь на ритм их тревоги и решимости. Когда они сошли с крыльца и ступили на тропу, ведущую к лесу, диск резко похолодел, а свечение на миг вспыхнуло — как предупреждающий сигнал.

— Впереди опасность, — выдохнула Эллара, инстинктивно прижавшись к мужу. — Он указывает на опасность.

Лиор кивнул, не отрывая глаз от мерцающих насечек:

— Но он не говорит «назад». Он говорит «осторожно». Значит, мы на верном пути.

Тем временем в мрачном замке, высившемся в горах, первая ночь для Виктора и остальных детей обернулась испытанием, стиравшим грань между сном и кошмаром.

Когда тяжёлые двери зала сомкнулись и шаги человека в чёрном плаще растаяли в тишине, детей молча и быстро увели вниз — по узким винтовым лестницам, где воздух делался всё тяжелее, пропитанный сыростью и запахом гнили. Факелы на стенах попадались редко, и их пламя трепетало, само страшась этого места.

Их привели в подземелье — длинный коридор, уходивший во тьму, откуда доносилось тихое, противное шуршание. Вдоль стен тянулись железные двери с крошечными окошками-решётками. Каждую запирали на увесистый засов, и звук — скрежет металла о металл — застревал в ушах, как предсмертный стон.

Виктора втолкнули в одну из камер. Дверь захлопнулась, замок щёлкнул, и у мальчика сжалось сердце. Внутри царила тьма; лишь в дальнем углу тускло мерцал крошечный огонёк — не факел, а нечто вроде светящегося камня, дававшего ровно столько света, чтобы разобрать очертания.

На полу лежал тюк прелой соломы, рядом стояла простая глиняная миска с водой. Больше — ничего. Ни одеяла, ни скамьи, ни даже щели, через которую можно было бы увидеть клочок неба. Стены выделяли влагу, капли неторопливо сползали вниз, собираясь в лужицы на каменном полу, и мерно отсчитывали время — тихо и безостановочно.

Виктор шагнул вперёд — и из темноты метнулась тень. Он едва успел отдёрнуть ногу: по полу проскользнула крупная серая крыса; глаза её блестели в полумраке, хвост волочился позади, гибкий, как змея. За ней показалась вторая, затем третья. Они не нападали, но и не страшились — чувствовали: здесь им ничего не грозит.

Мальчик прижался спиной к стене, стараясь сделаться как можно меньше, и холод влажного камня сквозь рубаху впился в лопатки, вызвав у него дрожь. Он вспомнил отцовские слова, но сейчас они звучали не щитом, а далёким отголоском другой жизни: «Самая густая тьма рассыпается от одного доброго слова, от улыбки, от огня в нашем камине». Здесь не было ни доброго слова, ни улыбки, ни огня. Одна лишь тьма, сырость и шуршание, набиравшее громкость.

Где-то в соседней камере тихо заплакал ребёнок. Потом кто-то шёпотом позвал: «Мира?» — и голос дрожал так, что вот-вот готов был сломаться. Виктору захотелось крикнуть в ответ — сказать, что он здесь, что они не одни, — но слова застряли в горле. Он страшился, что, стоит заговорить, крысы направятся к нему. Что, стоит позвать, тьма услышит и станет ещё гуще.

Но затем он припомнил другое — обещание, данное в зале. «Мы выберемся. Я обещаю». И пусть сейчас это обещание казалось слишком великим для маленького мальчика в сырой камере, он не позволил себе его забыть.

— Мира, — негромко позвал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мира, я здесь. Не бойся.

Ответ пришёл не сразу. Снова шуршание, потом тихий всхлип — и наконец шёпот:

— Виктор... я слышу тебя. Тут так страшно.

— Знаю, — прошептал он. — Но мы не одни. Нас много. И если мы будем слышать друг друга, тьма не сумеет нас разлучить.

Из соседней камеры отозвался мальчик постарше:

— Они считают: запрут по одному — и мы сломаемся. Только они не догадываются, что голоса прочнее любых дверей.

Виктор стиснул кулаки, ощущая, как ногти впиваются в ладони. Боль была хорошей — она напоминала: он жив.

— Тогда будем говорить, — произнёс он твёрдо. — Будем рассказывать истории. Пока у нас есть слова, полной власти над нами у них нет.

И он заговорил — про дом, про камин, про то, как отец чинил забор, а Виктор подавал гвозди. Про запах свежего хлеба по утрам, про мамино пение, когда она месила тесто. Он рассказывал, чтобы не слышать, как крысы скребутся у порога. Чтобы не ощущать, как холод пробирается под кожу. Чтобы не думать о том, что где-то там, в темноте, бродит человек в чёрном плаще, и магия его — не свет, а пустота, жаждущая поглотить всё живое.

Постепенно к нему присоединились другие голоса. Кто-то вспоминал свой двор, кто-то — любимую игрушку, кто-то пересказывал сказку, услышанную от бабушки. И в этом сплетении шёпотов, в этом хрупком круге из слов тьма отступала на шаг. Не исчезала — но истончалась, как туман, который не выдерживает дыхания множества людей.

А затем произошло нечто странное. В тот миг, когда Виктор рассказывал об огне в камине — о том, как искры взмывают к потолку и рассыпаются золотыми брызгами, — у него в груди вновь шевельнулась та самая искра, что пробудилась в зале. Крошечная, почти неразличимая, но теперь она не просто тлела — она пыталась разгореться.

Тепла он не почувствовал, однако вдруг ему почудилось, что воздух вокруг стал чуть светлее, а тени у стены отпрянули. И в тот же миг всё вернулось на место: тьма, сырость, шуршание крыс. Но Виктор запомнил это мгновение. Запомнил: тьма не всесильна. Что даже крошечная искра способна заставить её отступить.

Тем временем Лиор и Эллара шли по лесной тропе, и диск в руке Лиора продолжал откликаться. Всякий раз на развилке насечки на металле вспыхивали ярче в одну сторону и гасли в другую. Это не было точным указанием пути — но это был отклик, эхо памяти, знавшее, куда идти.

Когда они подошли к старому каменному мосту, переброшенному через пересохшее русло реки, диск вдруг задрожал в ладони как живое существо, испуганное и встревоженное. Холод сделался почти невыносимым, а свечение превратилось в тонкую пульсирующую линию, тянувшуюся вперёд, к горам — туда, где небо смыкалось с вершинами и само пространство стояло натянутое, как струна.

— Чёрные Кряжи, — тихо произнёс Лиор, всматриваясь в тёмный силуэт хребта. — Мы идём верно.

Эллара положила руку ему на плечо, и они несколько мгновений стояли молча, глядя на горы — не просто на камни и скалы, а на нечто живое, древнее и безжалостное.

— Мы найдём его, — прошептала Эллара — скорее себе, чем мужу. — Даже если придётся разбудить саму память этих гор.

Лиор кивнул. Диск в его руке чуть потеплел — совсем немного, но этого хватило, чтобы понять: в этот миг их решимость была сильнее страха.

Тропа вела их вперёд — к горам, к замку, к сыну. И с каждым шагом тьма вокруг густела, но заглушить тот тихий, упрямый свет, что горел в их сердцах и в крошечной искре, пробудившейся в груди маленького Виктора, она была не в силах.

Глава 4. Тропа, что ведёт назад, и пламя, что не сжигает дотла

"Порой путь вперёд начинается с шага назад. А пламя, не сумевшее уничтожить сердце, превращается в свет, который возвращает домой".
Из записей хранителя Нокtского замка.

Тропа исчезла ещё до заката. Теперь под ногами плескалась чёрная вода. Лиор шёл первым, раздвигая мокрые ветви. Они хлестали по лицу, оставляя на коже ледяные следы. Эллара двигалась за ним след в след, стараясь не потерять равновесие.

Лес вокруг не погрузился во тьму — он стал самой тьмой. Густой, тяжёлой, почти живой. Она цеплялась за одежду, тянула вниз, шевелилась у ног и шептала чужими голосами.

Болото поднималось всё выше. Вязкая вода затекала в сапоги, пропитывала швы, обжигала холодом. Пальцы немели и переставали слушаться.

Диск указывал путь, но делал это непредсказуемо. Он метался между двумя направлениями, не позволяя выбрать ни одно. Металл то леденел, и Лиор вынужден был перекладывать его из руки в руку, то начинал едва заметно теплеть. Внутри вспыхивала маленькая искра, но почти сразу гасла. Насечки на обороте мерцали прерывисто, напоминая пламя, которому не хватает воздуха.

Лиор остановился и опёрся ладонью о колено. Дыхание сбилось.

— Он не показывает дорогу, — хрипло сказал он. — Он указывает на угрозу. На боль. На страх. Весь лес пропитан чужими страданиями.

Эллара прислонилась к кривому стволу сосны. Её плечи дрожали, дыхание выходило короткими свистящими толчками. За весь путь она не произнесла ни одной жалобы. Лиор видел только побелевшие костяшки пальцев, сжимавших ветку с отчаянной силой.

— Тогда мы движемся верно, — ответила она, не поднимая головы. — Боль говорит о близости. Страх напоминает о важности цели.

Они продолжили путь, обходя чёрные топи. Вода отражала не небо, а нечто скрытое в глубине. Казалось, поверхность открывала проход в другую сторону мира.

Над болотом стоял плотный маслянистый туман. Он оседал на коже, собирался на ресницах солёными каплями. В серой мгле возникали силуэты: деревья, люди в плащах, обломки старых строений. Через миг всё исчезало, оставляя после себя только неясное движение.

Внезапно Лиор остановился. Перед ним обнаружилась узкая тропа, уходившая в сторону и затем возвращавшаяся назад широкой дугой.

Он присел, разглядывая примятую траву.

— Эллара, подойди. Здесь следы.

Она опустилась рядом и провела пальцами по мху. В траве сохранились отпечатки их сапог. Некоторые стебли ещё хранили тепло недавнего прикосновения.

— Мы идём по кругу, — произнёс Лиор.

— Не по кругу. По спирали, — возразила Эллара. — Вспомни знак на половице. Дом показывал нам спираль. Путь не обязан быть прямым. Чтобы добраться до замка, придётся вернуться к исходной точке.

Диск вдруг замер. Его пульсация оборвалась, холод исчез, свечение погасло. Остался лишь тяжёлый кусок старого металла.

Лиор стиснул его до боли. Острый край впился в кожу. Эта простая, настоящая боль принесла облегчение после лесных шёпотов и призрачных видений.

— Он перестал вести, — сказал Лиор. — Или уже привёл нас туда, куда требовалось.

Туман впереди начал расходиться. Ветер не трогал его; серые слои отступали медленно и ровно. За ними показалась знакомая крыша, тёмные балки и резной конёк.

Их дом. Утром они покинули его с намерением вернуть сына. Теперь возвращались по колено в болотной жиже, измученные и опустошённые.

— Мы вернулись, — прошептала Эллара.

В её голосе не было отчаяния. Только усталое понимание.

— Не из-за ошибки. Дом ещё не закончил разговор. Мы ушли, не услышав его главного совета. Без этого знания нам не пройти дальше.

Они поднялись на крыльцо. На досках остались чёрные влажные отпечатки. Дверь, прежде скрипевшая на второй петле, открылась без звука. Внутри царила тишина, но пустым дом не был. Он дышал, собирая в себе слова, которые слишком долго ждали слушателей.

Лиор положил диск на стол. Металл слегка дрогнул, узнав знакомое место. Эллара прошла в гостиную, села на старый сундук, сняла мокрый платок и закрыла глаза.

— Дед повторял: «Тайна не терпит спешки. Она открывается сердцу, готовому принять ответ». Мы бежали от страха. А страх лишает слуха.

Лиор сел рядом. Под их весом сундук жалобно скрипнул. Он положил ладонь на её руку, холодную и покрытую засохшей тиной.

— Тогда остановимся. И будем слушать.

* * *

В замке Нокта Виктор тем временем проходил испытания. Их трудно было назвать уроками. Больше они напоминали медленную, рассчитанную пытку.

Первым стало испытание огнём.

Мальчика привели в круглый зал. Чёрный камень покрывал стены, пол и высокий свод. В центре бушевал огромный синий костёр. Он не трещал и не разбрасывал искры. Пламя шипело, издавая злобный змеиный звук. Тепла от него не было — лишь сухой, режущий жар, стягивавший кожу даже на расстоянии.

Нокт стоял рядом со сложенными на груди руками. На его лице не отражались ни жалость, ни тревога.

— Покажи свои способности, — произнёс он. — Заставь огонь отступить. Подчини его. Или позволь ему доказать твою слабость.

Охранник толкнул Виктора вперёд.

Мальчик зажмурился и вспомнил домашний камин. Там сушились варежки, потрескивали поленья, а огонь приносил тепло. Здесь пламя не знало доброты. Оно голодало и уже почуяло добычу. Виктор сделал шаг, сжав кулаки. Он попытался убедить себя, что перед ним обычный свет, неспособный причинить вред. Пламя не подчинилось. Оно рванулось вперёд, обхватило руки мальчика и впилось в кожу множеством раскалённых игл. Крик Виктора разнёсся под сводами. Боль поглотила всё: зал, голоса, собственное тело. Остался один беспощадный жар, поднимавшийся от запястий к горлу. Через несколько мгновений пламя отступило. На руках и груди Виктора проступили глубокие пузыри. Кожа потемнела и местами свисала обгоревшими лоскутами. В воздухе повис тяжёлый запах гари.

Мальчика унесли в низкую каменную комнату. Там пахло травами и прокисшей жидкостью. Над ним склонились люди в серых балахонах. Они произносили заклинания, перебивая друг друга. Густая зелёная смесь потекла по ожогам. Она шипела, усиливая мучение. Затем боль постепенно ослабла. Обожжённая кожа стянулась, покрылась тонкой розовой плёнкой, а через несколько минут от ран не и осталось следа. Тело восстановилось. Память о страдании осталась внутри — в мышцах, костях и каждом нерве. Виктору не дали времени прийти в себя.

Его подняли и повели к следующему испытанию. Испытанию водой.

Его привели к глубокому колодцу. Чёрная поверхность не отражала факелы и лица. Вода выглядела плотной и неподвижной, почти живой.

Охранники связали Виктору руки за спиной, схватили за локти и бросили вниз. Удар о поверхность оказался жёстким, ледяным. Затем мальчик провалился в безмолвную глубину. Вода ворвалась в рот и нос, заполнила лёгкие. Давление сжало грудь. Каждый удар сердца гремел в висках. Виктор рванулся, попытался освободить плечи, но верёвки не поддавались. Вокруг не осталось ни верха, ни низа. Только холодная чёрная масса. Перед глазами поплыли красные пятна. Звон в ушах становился громче. Сознание медленно отступало. И тогда в груди шевельнулась искра. Она была крошечной, почти невидимой, но несла тепло и жизнь. В ней жило упрямое желание не исчезать. Виктор вспомнил мать. Не её слова, а объятия в ночь грозы. Надёжные руки, запах ванили и домашнего тепла. Искра стала ярче. Вода вокруг немного разошлась, сделалась прозрачнее. Виктору удалось вдохнуть. Этого короткого глотка воздуха хватило, чтобы продержаться ещё несколько секунд. Затем невидимая сила выдернула мальчика из колодца и швырнула на каменный пол. Виктор лежал посиневший, дрожал, не мог сомкнуть зубы. Но он дышал.

Нокт стоял у края колодца и смотрел на него с холодным вниманием.

— Ты цепляешься за жизнь, — сказал он. — Не из стремления стать сильнее. Тебя удерживает страх потерять прошлое. Это слабость. Но в ней есть и сила. Посмотрим, чего она стоит.

Третье испытание оказалось самым жестоким.

Виктору дали узкий острый кинжал и приказали ранить другого ребёнка. Это был тот самый мальчик постарше, который первым заговорил с ним в зале. Взамен Виктору обещали отдельную комнату, мягкую постель, горячую пищу и золото, которое он смог бы забрать домой после того, как стал бы великим магом.

Нокт добавил:

— Можешь отказаться. Тогда боль достанется тебе. Но не только телу.

Старший мальчик смотрел на Виктора заплаканными глазами. Он не просил о помощи и не кричал. Только сжимал кулаки, удерживая подступающий вопль. Кинжал лежал в руке Виктора легко и удобно. Холодная рукоять подходила ладони. Лезвие манило простой мыслью: страдать будет другой. Но Виктор не мог на это решиться. Он не хотел причинять боль.

— Я не буду, — прошептал он. Голос дрожал, но не сорвался. — Я не стану ранить его.

Нокт кивнул. Он ждал именно такого ответа и успел заскучать до его появления.

— Хорошо, — произнёс он. — Тогда боль достанется тебе.

Боль пришла не сразу. Сначала в висках возникло лёгкое покалывание, почти безобидное. Затем оно превратилось в раскалённый гвоздь. Его медленно вбивали в голову мерными ударами. Перед глазами Виктора возникли картины. Они не принадлежали реальности, но были настолько яркими, что вытесняли всё вокруг. Дом охватывало пламя. Резной конёк рушился внутрь, стены чернели, а мама и папа исчезали в клубах дыма. Их голоса тонули в оглушительном грохоте пожара. Виктор слышал крики, чувствовал запах гари. Кошмар заполнял сознание и происходил рядом, в эту самую минуту. Мальчик рухнул на колени и попытался вдохнуть. Воздух стал тяжёлым, почти неподъёмным, застрял в горле. Из груди вырывались лишь сухие хриплые звуки. Когда мучение достигло предела, в груди снова вспыхнула искра. На этот раз она не тлела. Маленький огонь разгорелся упрямо и ровно. Вместе с ним пришла ясная мысль: «Это обман. Всё это ложь. Дом цел. Родители живы. Я помню». Боль отступила. Не исчезла полностью, но ослабла настолько, чтобы Виктор смог распрямить спину и поднять голову. Он посмотрел Нокту прямо в глаза.

— Это неправда, — прошептал мальчик. В его голосе звучала не просьба, а уверенность. — Вы не отнимете у меня память.

Нокт слегка поднял бровь. Впервые за весь день на его неподвижном лице появилась едва заметная перемена.

— Любопытно, — тихо произнёс он. — Очень любопытно.

Виктора отвели обратно в камеру. Он опустился на тюк соломы, прислонился спиной к холодной стене и закрыл глаза. Он остался жив. Он выдержал испытание. Но расплата оказалась тяжёлой. Виктор ощущал её в каждой мышце, в каждой косточке, в каждом нерве. Из соседней камеры донёсся тихий плач Миры. Девочка всхлипывала, стараясь не привлечь внимание стражи. Виктор хотел окликнуть её, сказать несколько ободряющих слов, но не находил сил даже на полноценный вдох. Он лишь прошептал в темноту:

— Мама. Папа. Я здесь. Я держусь.

И тогда ему послышался ответ. Он пришёл откуда-то издалека, из родного дома, едва различимым шёпотом: «Мы идём. Мы уже близко».

В это время Лиор и Эллара сидели в своём доме без света и слушали его голоса. Половицы отзывались тихими вздохами, в остывающей печи потрескивали угли. Постепенно, через отдельные слова и скрытые знаки, супруги начали понимать мудрость, которую раньше не замечали из-за спешки и страха.

Лиор первым обнаружил тонкую гравировку на внутренней стороне двери, рядом с петлями. Это был не набор букв, а узор из переплетённых корней. Он провёл по резьбе пальцем. Ноготь зацепился за одну из линий, и в этот момент Лиор понял: перед ним карта. Она показывала не дороги между холмами и реками. На ней были обозначены слабые участки мира — места, через которые можно пройти сквозь землю.

В старой шкатулке Эллара нашла тонкую серебряную нить. Это не было украшением. Дед завещал хранить её «для самого чёрного дня». Она пропустила нить между пальцами.

— Дед говорил, что серебро помнит дорогу, даже если ноги забывают путь, — прошептала Эллара.

Лиор посмотрел на стол. Диск снова засиял слабым ровным светом. Теперь его мерцание было спокойным, без прежних рывков и вспышек.

— Теперь всё ясно, — произнёс он. — Нам нельзя пробиваться напрямик. Нужно пройти сквозь землю. Найти тонкие места и следовать по памяти.

Эллара кивнула. Она спрятала серебряную нить в карман и прижала его ладонью.

— На рассвете мы снова отправимся в путь. Но теперь будем знать, куда ступать.

Дом ответил тихим вздохом. Задрожали балки, отозвались половицы, в стенах прошёл едва слышный шелест.

В этой тишине звучало обещание: дорога окажется тяжёлой, но они пройдут её до конца.

Глава 5. Между памятью и ядом

"Яд разрушает плоть, забвение — стирает имя. Но пока сердце хранит память, тьме не удастся присвоить его".
Из записей Хранителя порогов.

Лиор провёл рукой по внутренней стороне дверного косяка. Дерево оказалось тёплым — живое тепло человеческой кожи — и переплетённый узор корней внезапно обозначился глубже и отчётливее, и возникло ощущение, что невидимый взгляд повернулся именно к этому месту и задержался на нём. Эллара стояла рядом, сжимая тонкую серебряную нить. Она едва заметно подрагивала у неё между пальцев, пульсировала в такт жилке на запястье. Нить чувствовала: они наконец перестали бежать и начали слушать.

— Смотри, — тихо произнёс Лиор, наклонившись. — Корни не сходятся. Они уходят вниз. Ведут под землю.

Эллара опустилась на корточки, подобрав подол, и провела пальцем по половице у самого порога. Дерево холодило кожу. Там, где стык стёрся за десятилетия до гладкости кости, проступал тонкий контур — не квадрат и не круг, а неровный многоугольник, оставленный дрожащей рукой человека, который спешил и всё равно страшился не ошибиться.

— Это крышка, — прошептала она. — Люк. Или лаз.

Лиор нащупал в щели между досками металлическое ушко — холодное, шершавое от окиси — и потянул. Половица не поддалась. Он упёрся коленом, рванул сильнее, и старые петли отозвались долгим сухим скрипом — тем звуком, который издаёт дверь, закрытая дольше одной человеческой жизни. Из чёрного провала потянуло сыростью, глиной и чем-то древним: земля, спрятавшая здесь свои секреты, наконец выдохнула.

Под лестницей, в тесноте, где плечи задевали балки, начинался узкий проход, выложенный грубо обтёсанными камнями. Вдоль стен тянулись металлические скобы, вбитые так давно, что ржавчина въелась в них и стала почти частью породы. Лиор спустился первым с тусклым фонарём, свет которого не рассекал темноту — лишь выдавливал в ней мутный жёлтый пузырь. Эллара шла следом, не выпуская серебряной нити. Теперь она светилась ровным жемчужным отблеском — уверенно, со знанием дороги лучше них обоих.

Тоннель петлял. То сужался так, что приходилось идти боком, обдирая куртку о камень, то раскрывался в ниши, где на каменных полках лежали странные вещи: потемневшие медные чаши, осколки зеркал с мутными бельмастыми стёклами, связки сухих трав, которые Лиор не узнавал ни по виду, ни по запаху. Он потянулся к одной из чаш — и Эллара перехватила его запястье.

— Не трогай. Дед писал: некоторые вещи хранят не силу, а память. А память может быть тяжёлой.

Они шли долго, теряя счёт поворотам, пока тоннель не вывел их в просторную пещеру, своды которой уходили в темноту так высоко, что фонарь даже не пытался достать до них. Воздух здесь был гуще и плотнее — его хотелось жевать; в нём осели века. По всей пещере — на каменных постаментах, в нишах, прямо на полу — лежали артефакты. Одни выглядели вещами из любого дома: старый гребень, треснувшая чашка, потемневший ключ. Другие не притворялись обычными. Сферы из полупрозрачного камня, внутри которых медленно перекатывались искры. Металлические диски — родня тому, что был у Лиора, но с иными символами. Тонкие цепочки, звенья которых дышали, пульсируя в такт невидимому ритму.

В центре пещеры стоял невысокий каменный стол, а на нём — раскрытая тетрадь, та самая, что Эллара брала из сундука. Теперь её страницы были пусты. Лиор поднёс фонарь ближе — и на первой странице, где раньше теснились записи деда, у них на глазах начали проступать новые строки тем же острым почерком:

«Путь лежит не по земле. Он идёт сквозь неё. Тонкие места открываются тем, кто помнит, а не тем, кто спешит. Чтобы пройти к замку Нокта, преграды нужно не обходить, а преодолевать насквозь. Но помни: каждый шаг сквозь тонкое место стирает часть памяти. Выбирай, что готов потерять».

Эллара коснулась страницы кончиками пальцев — осторожно, как трогают лоб спящего ребёнка. Буквы вспыхнули тусклым золотом и снова налились чернотой. Бумага под ладонью оставалась тёплой.

— Он всё ещё говорит с нами, — произнесла она, и голос дрогнул не от страха, а от странного, почти благоговейного трепета. — Дом не просто показал дорогу. Он предупредил о цене.

Лиор стиснул в кулаке свой диск. Металл снова замерцал — но иначе: свет шёл теперь не изнутри, а собирался извне, стекал с десятков артефактов вокруг и сходился в одну тонкую натянутую линию. Линия тянулась к дальней стене, туда, где в камне темнел узкий проход, почти трещина. Её легко было пропустить, пройти мимо, не заметить за выступом. Если бы не этот тихий, настойчивый свет.

— Мы почти у порога, — прошептал Лиор. — Дальше путь идёт не по земле.

* * *

Тем временем в замке Нокта для мальчика и других детей началась «школьная жизнь»: холодная, бездушная пародия на обучение, где вместо света знаний разжигали тьму. Здесь никого не учили понимать. Здесь учили не отворачиваться.

Урок зелий проходил в низком сыром помещении, похожем на склеп. Каменные стены сочились влагой, капли копились в швах кладки и срывались вниз с мерным, выматывающим стуком. Воздух был тяжёл от гари, горелых трав и чего-то кислого, от чего першило в горле и слезились глаза. На длинных столах стояли медные котлы, стеклянные колбы, ступки с тёмными порошками. Всё это напоминало не инструменты науки, а орудия причинения боли, разложенные аккуратно и заранее.

Мастер зелий, сухопарый человек с длинными тонкими пальцами, ходил между рядами, постукивая металлическим жезлом по краям котлов. Звук выходил короткий, глухой, как стук по пустому черепу. Голос у мастера был ровный, почти безразличный, говорил он так, словно читал монотонный перечень покупок, а не вел урок, где детей учили готовить смерть.

— Сегодня мы готовим «Шёпот тени», — говорил он, и губы его едва шевелились. — Один из самых коварных ядов. Он не убивает сразу. Он заставляет жертву видеть кошмары, пока сердце не разорвётся от ужаса. Ингредиенты: корень чёрного паслёна, пепел летучей мыши, капля росы, собранной в полночь на кладбище, и… капля крови того, кто будет держать чашу.

Дети переглядывались. Лица серые, глаза слишком большие для этих лиц. Кто-то всхлипывал, стараясь делать это беззвучно. Кто-то сжимал кулаки до белизны костяшек. Виктор стоял у своего стола, смотрел в котёл, где медленно ворочалась тёмная масса, и считал про себя удары собственного сердца — лишь бы не думать о том, что ему сейчас велят сделать.

— Начинайте, — коротко бросил мастер, и в приказе не было ни гнева, ни радости — только холодная уверенность человека, чью волю никогда не оспаривали дважды.

Рядом с котлами, на низкой скамье, стояли клетки. Кролики, птицы, пара крыс. Прутья, помёт, запах шерсти и страха. Глаза животных были тусклые, подёрнутые: они давно усвоили то, чего дети ещё не хотели понимать.

Виктор не двигался. Он глядел на нож, которым полагалось сделать надрез, на чашу, куда должна была упасть капля крови, и чувствовал, как в груди шевельнулась та самая искра — крошечная, упрямая, отказывающаяся стать частью этой комнаты, этого запаха, этой тишины.

— Я не буду, — тихо, но твёрдо произнёс он. — Я не хочу никого убивать.

Мастер медленно повернулся. Жезл в его руке замер. Лицо не изменилось ни на черту, но в глазах мелькнуло что-то холодное, оценивающее — взгляд человека, взвешивающего товар на ладони.

— Желание здесь не имеет значения, — спокойно сказал он. — Значение имеет послушание. Если ты не сделаешь это, ты узнаешь, как выглядит боль без причины.

Он щёлкнул пальцами. Один из помощников неторопливо подошёл к клетке с маленьким кроликом. Зверёк вжался в прутья, подобрал лапы, стремясь стать меньше — стать совсем ничем. Помощник просунул руку, вынул его за загривок, поднял. Одно короткое, почти ленивое движение кисти — и тельце маленького кролика обмякло.

Тишина в комнате стала оглушительной, обрела вес. Кто-то из детей закричал — высоко и коротко, кто-то упал на колени, вжимая ладони в лицо. Виктор почувствовал, как мир на мгновение потемнел по краям: тьма в этих стенах одобрительно кивнула и придвинулась ближе.

— Теперь ты видишь, — тихо произнёс мастер, глядя прямо на Виктора. — Боль неизбежна. Вопрос лишь в том, будешь ли ты её причиной или будешь её жертвой.

Виктор стиснул кулаки так, что ногти вошли в ладони. Искра в груди разгорелась ярче — но не от гнева. От горя, тяжёлого и чистого. Он вспомнил слова отца: «Самая густая тьма рассыпается от одного доброго слова, от улыбки, от огня в нашем камине». Здесь не было камина. Не было улыбки. Но доброе слово оставалось — то, которое он мог не произнести, чтобы не стать частью этого зла.

— Я всё равно не буду, — прошептал он, и на этот раз голос не дрогнул. — Пусть я буду жертвой. Но не причиной.

Мастер чуть приподнял бровь, как человек, наткнувшийся на незнакомый корешок в собственном гербарии. Он подошёл, остановился в шаге и наклонился так низко, что Виктор ощутил его дыхание на щеке: холодное, затхлое, с привкусом мокрой золы.

— Интересно, — тихо произнёс он. — Очень интересно. Большинство ломается на первом уроке. Ты держишь удар. Посмотрим, сколько в тебе осталось света.

Он выпрямился, одёрнул рукава и хлопнул в ладоши.

— Испытание. Каждому из вас дать по одной порции готового «Шёпота тени». Вы будете наблюдать, как он действует. Это часть обучения.

Детям раздали маленькие стеклянные ампулы с густой тёмной жидкостью, переваливавшейся внутри медленно, неспешно. Виктору тоже. Он держал ампулу двумя пальцами, чувствуя, как стекло вытягивает из кожи тепло, и смотрел в одну точку на каменной стене — в трещину, на подобие сухой ветки. Но уши заткнуть он не мог. Тихие всхлипы. Шорох лап по соломе. Короткий резкий звук, которым обрывается жизнь.

После урока детей вывели во двор. Ветер тут же пробрался под тонкие плащи, забрался за воротники и обжёг кожу холодом. Мира подошла к Виктору и молча прислонилась к его плечу. Её тело мелко подрагивало, дыхание сбивалось, но слёз не было.

— Зачем они так поступают? — прошептала она, подняв глаза к свинцовому небу. В её взгляде теплилась надежда отыскать там хоть какое-то объяснение.

— Они хотят превратить нас в себя, — ответил Виктор. — Но у них ничего не выйдет. Я помню наш дом. Помню маму и папу. Пока память жива, тьме не удастся забрать меня полностью.

Мира кивнула и крепче ухватилась за его рукав. Слова Виктора не могли согреть по-настоящему, но рядом с ними становилось легче дышать.

Над башнями замка закаркала ворона. Крик прокатился по каменной кладке, перелетел через стены и растворился вдали. В нём слышалось не предостережение, а отзвук далёкого мира, который ещё не исчез окончательно. Даже замковая тьма не сумела поглотить все звуки.

* * *

В пещере Лиор и Эллара остановились перед узким проходом. Его края были неровными и острыми, а сам проём напоминал приоткрытый каменный рот. Казалось, его создал не резец мастера, а сама скала.

Серебряная нить в руке Эллары сияла всё ярче. Её свет не рассеивался по сторонам, а вытягивался вперёд тонкой дорожкой, ложась на каменный пол. Диск в ладони Лиора часто пульсировал. В его ритме уже не было тревоги. Так отзывается сердце перед решающим шагом.

— Ты готова? — спросил Лиор, глядя на жену.

Эллара глубоко вдохнула, убрала тетрадь в сумку и затянула ремень.

— Да. Но меня пугает не то, что ждёт впереди. Страшнее то, что может остаться за нашими спинами.

Лиор взял её за руку. Вместе они вошли в проход. Камень сомкнулся позади без единого звука, отрезав их от света пещеры. На короткое время вокруг осталась одна темнота.

Затем в глубине скалы вспыхнул слабый холодный свет. Он не напоминал ни пламя, ни солнечное сияние. В нём было нечто древнее и чужое. Пространство вокруг жило по иному ритму: медленно расширялось и сжималось, а невидимое дыхание отдавалось у них в висках.

Стоило им пересечь границу тонкого места, Лиор почувствовал перемену. Из памяти исчезла крошечная деталь — незначительная для чужого человека, но дорогая для него. Запах маминых воскресных пирогов поблек, утратил тепло и превратился в смутный след на выцветшей фотографии. Лиор ничего не сказал. Эллара заметила его молчание, сжала его руку крепче.

— Мы продолжим путь, — прошептала она. — И вернёмся. Вместе с ним.

* * *

Далеко оттуда, в холодном замке среди серых стен и ледяных сквозняков, Виктор стоял во дворе, подняв воротник до подбородка. Он беззвучно повторял одну фразу, удерживая её в памяти изо всех сил:

«Я помню. Помню дом. Помню вас. И я дождусь».

Глава 6. Не забывай моё имя

"Не бойся забыть дорогу. Страшнее забыть, ради кого ты идёшь. Путь вернет тебе имя, но заберет то, что ты считал частью себя".
- Надпись у Поющего родника.

Пещера дышала. Не сквозняком и не движением воздуха. Из глубины скалы доносился тяжёлый, медленный ритм: камень втягивал воздух, задерживал его, а затем выпускал наружу. Каждый такой вдох разносился по залу глухим рокотом. Лиор и Эллара стояли посреди просторной пещеры. Тишина сдавливала слух и не оставляла места ни одной лишней мысли. Луч фонаря дрожал в руке Лиора, но почти сразу растворялся в темноте. Свет не достигал ни стен, ни высокого свода. Серебряная нить, зажатая в пальцах Эллары, изменилась. Она больше не излучала ровный блеск. Свет шёл по ней пульсами, совпадая с подземным ритмом. Каждый толчок отзывался в запястье женщины чужим сердцебиением. Диск в руке Лиора тоже ожил. Насечки на его поверхности перестали вспыхивать беспорядочно и сложились в рисунок. Он напоминал сеть трещин, разбежавшихся по своду над их головами.

— Посмотри, — тихо произнёс Лиор.

Он опустился возле ближайшего постамента. Гул пещеры поглотил часть его голоса.

— Эти сферы хранят не только искры. В них заключены отголоски.

На пьедестале стояла прозрачная сфера размером с яблоко. Внутри медленно двигался золотой огонёк. Он касался стенок, но не издавал ни звука. Лиор поднёс ладонь. В ту же секунду в его сознании раздался чужой смех. Мужской или женский — определить он не успел. Интонация возникла и исчезла, оставив после себя неприятное ощущение утраты. Рядом лежал старый деревянный гребень. Эллара осторожно коснулась его двумя пальцами. Дерево оказалось тёплым.

От гребня исходил запах сушёных трав, домашнего очага и чего-то очень близкого. Элларе почудился родной дом, далёкое детство, руки матери. Воспоминание вспыхнуло и тут же отступило. Она резко отняла руку.

— Здесь всё связано с памятью, — прошептала Эллара, вытирая пальцы о плащ. — Каждая вещь принадлежала чьей-то жизни. Если продолжим прикасаться ко всему подряд, можем потерять собственное прошлое.

Лиор молча сжал диск. Пальцы побелели. Он уже чувствовал, что пещера забирает воспоминания. Сначала исчезали мелочи. Он помнил свою первую собаку, но не мог вспомнить её окрас. Помнил детский страх перед темнотой, но не знал, чего именно боялся: ночного коридора, шкафа или окна за занавеской. Лиор попытался выбрать один вариант. Ни один не вызвал отклика.

Они продолжили путь, обходя постаменты. Каждый шаг требовал осторожности. Приходилось следить, чтобы не задеть плащом хрупкие предметы и не сбить локтем сосуды. Песок под сапогами тихо похрустывал. В мёртвом зале этот звук казался слишком громким. У дальней стены, где свод почти касался пола, что-то двигалось. Это была не игра света и не колебание тени. Там сидел человек. Он пошевелился, устав от долгого неподвижного ожидания.

Старец устроился на низком троне, сложенном из обломков каменных плит. Его одежда состояла из выцветших лоскутов, соединённых аккуратными швами. Каждый стежок выглядел частью старого послания. Лицо покрывали глубокие морщины. Они пересекались, напоминая

карту забытых дорог. Бледно-серые глаза смотрели не на путников, а внутрь них. Старец изучал не тела, а то, что хранилось за ними.

— Вы добрались, — сказал он.

Его голос доносился из глубины, тяжёлый и влажный, наполненный возрастом.

— Дом направил вас. Он знает, что вы ищете путь через тонкие границы. Но ни один такой путь не открывается бесплатно.

Лиор шагнул вперёд. Усталость дрожью проходила по ногам, однако он выпрямился.

— Нам нужна дорога к замку Нокта, — ответил он. — Там находится наш сын.

Старец медленно склонил голову.

— Проход существует. Я могу провести вас мимо самых опасных мест. Покажу, как пройти через камень, не разрушив его, и пересечь тьму, сохранив разум. Но мне потребуется живая вода.

Эллара нахмурилась. Серебряная нить в её ладони сбилась с ритма.

— В записях деда упоминалась живая вода. Но это ведь не обычная...

— Вода, в которой заключена память, — завершил старец. — Её капля способна вернуть забытую часть прошлого. А может стереть то, что мешает человеку двигаться дальше.

Он провёл взглядом по каменным стенам.

— Мне она нужна для другого. Пещера переполнена воспоминаниями. Если они вырвутся наружу, окружающий мир не выдержит их веса. Живая вода удерживает их внутри.

— У нас её нет, — сказал Лиор. — Мы даже не знаем, где искать.

В глазах старца мелькнуло сочувствие.

— Я укажу направление. Живая вода появляется там, где память оказывается сильнее страха. В месте, где любовь переживает годы. Обычно рядом с ним люди плачут, но всё равно находят повод для улыбки. Он сделал паузу.

— Ищите родник, который поёт.

Эллара вздрогнула. На её лице появилась растерянность.

— Поющий родник… — повторила она. — Я уже слышала это название. Или когда-то знала его.

Девушка прижала пальцы ко лбу. Мысль ускользала, не позволяя себя ухватить. Лиор взял её за руку. Пальцы Эллары были ледяными.

— Мы его найдём, — сказал он.

Уверенность в голосе далась ему с трудом. Он не мог представить родник и не понимал, видел ли его когда-нибудь раньше.

Старец поднялся.

— Тогда я открою дорогу. Но запомните: каждый переход через тонкую грань отнимет часть вашего прошлого. Это не обязательно будет что-то великое. Иногда исчезает самая простая вещь — имя, запах, голос, лицо. Но именно такие мелочи часто удерживают человека внутри самого себя.

Он поднял руку. Воздух перед ним задрожал. В каменной стене возникла тонкая линия. Из трещины посыпалась крошка, затем раздался сухой хруст. Разлом постепенно расширился, открывая узкий проход. Внутри мерцали кристаллы. Их свет был холодным, почти белым. Он вытягивал тепло из кожи. У Лиора сразу заломило пальцы.

— Ступайте, — произнёс старец. — И не оборачивайтесь.

Лиор и Эллара вошли в проход. Камень за их спинами сошёлся с мягким вздохом. В тот же миг Лиор потерял имя своей любимой школьной учительницы. Её лицо осталось в памяти. Осталась добрая улыбка, появлявшаяся, когда он правильно решал задачу у доски. Исчезло только имя — так, будто оно никогда не звучало. Эллара заметила, что он остановился, и крепче сжала его руку. В её взгляде тоже появилась пустота.

— Я забыла улицу, где выросла, — призналась она. — Помню дом, окна, старую яблоню. Но название исчезло.

— Ничего, — прошептала Эллара, больше для себя, чем для него. — Мы всё вернём. Или найдём другой путь.

Дорога повела их вверх. Подъём напоминал лестницу, скрытую в темноте: ступени были неровными, а расстояние между ними постоянно менялось. С каждым шагом становилось легче дышать. Воздух очищался, мрак отступал. Горло больше не саднило от холода. Наконец путники вышли на узкий каменный уступ. Внизу раскинулась долина, накрытая густым туманом. Между серыми слоями проступали верхушки леса и изгиб реки, огибавшей холмы.

— Отсюда до родника недалеко, — сказал Лиор.

Он сам удивился своим словам. Откуда у него взялось это знание, он не понимал.

— Если родник существует, — добавил он.

Эллара не ответила сразу. Серебряная нить в её руке изменила цвет. Прежнее жемчужное сияние сменилось бледной голубизной. Холод кристаллов словно проник внутрь нити.

— Мы справимся, — сказала она. — Ради Виктора.

* * *

В это время в замке Нокта сгущалась ночь.

Октар Нокт стоял у высокого окна. Серые облака медленно ползли над башнями, цепляясь за острые зубцы. Их движение выглядело слишком упорядоченным для обычного неба. В дверях застыл его помощник — худой человек с длинными пальцами. Он держал голову опущенной и ждал разрешения войти дальше.

— Некоторые дети сломались, — произнёс Нокт, не отрывая взгляда от окна. — Они приняли тьму. Это полезно. Слабых следует отсеивать в самом начале.

Помощник кивнул. Его пальцы едва заметно двигались, перебирая в памяти имена.

— Да, господин. Они уже участвуют в подготовке новых испытаний. Особенно отличился мальчик по имени Дарен. Он рассказал, каким образом дети поддерживают друг друга.

Нокт чуть поднял бровь.

— Продолжай.

— Они не боятся ночи, господин. Перед сном дети рассказывают истории. Вспоминают дома, родителей, бабушек и дедушек. Делятся событиями из прошлого.

Помощник сделал паузу.

— Эти рассказы помогают им держаться. Память не даёт тьме полностью завладеть ими.

На губах Нокта появилась слабая усмешка.

— Значит, нужно уничтожить память.

Он отвернулся от окна.

— Не болью. Не грубой силой. Пустотой. Пусть прошлое рассыплется, а вместе с ним исчезнет их сопротивление.

Помощник поклонился.

— Кого привести?

— Того, кто знает больше остальных. Мальчика, который рассказывает истории.

Нокт посмотрел на него.

— Я хочу, чтобы он увидел, как легко уничтожить прошлое.

Через несколько минут Виктора привели в небольшой зал. Стены здесь были облицованы чёрными плитами, поглощавшими свет факелов. В центре стоял низкий стол. На его поверхности выстроились стеклянные сосуды с тёмной жидкостью. Яд "Пустота забвения". Нокт подошёл к мальчику и остановился так, чтобы его тень накрыла лицо Виктора.

— Ты любишь рассказывать истории, — произнёс он. — Благодаря тебе остальные не сдаются.

Он взял один сосуд и медленно повернул его в пальцах.

— Надежда мешает тьме. Поэтому её нужно уничтожить первой.

Виктор не отвёл взгляда. Нокт приблизился.

— Расскажи мне, что ты помнишь. Прежде чем я начну забирать это у тебя.

Виктор сжал кулаки и отвёл их за спину. Пальцы беспокойно двигались, но он не хотел показывать страх. В ушах нарастал гул. Он вспомнил отцовские слова: «Даже самая плотная тьма отступает перед одним добрым словом». В этом зале доброты не было. Здесь любую фразу превращали в оружие, а затем возвращали говорившему остриём вперёд.

— Я не замолчу, — твёрдо сказал Виктор. — Что бы вы ни сделали.

Нокт улыбнулся. На этот раз в его улыбке мелькнул неподдельный интерес, с которым взрослый наблюдает за упрямым ребёнком.

— Ты считаешь молчание сопротивлением. Ошибаешься. Настоящая сила — в памяти. Поэтому мы заберём её у тебя.

Он поставил ладонь на сосуд.

— Не сразу. Одно воспоминание за другим. Лист за листом.

Нокт поставил стеклянную колбу. Дно глухо ударило о стол. Несколько капель тёмной жидкости пролились на небольшой металлический диск. Артефакт засветился тусклым фиолетовым сиянием. По залу распространился тяжёлый запах. В нём смешались сырость, старый камень и дух заброшенного подвала, куда десятилетиями не проникал свежий воздух.

— Этот предмет уничтожает память, — пояснил Нокт с невозмутимым спокойствием. — Боли он не причиняет. Просто освобождает сознание от прошлого. После него человек остаётся с пустым местом внутри.

Холод пробрался Виктору под одежду. Он торопливо перебрал самые дорогие воспоминания: мамины руки, пахнущие ванилью; отца у старого забора; ржавый гвоздь, больно впившийся в ладонь; камин, жар огня и искры, взлетающие к потолку. На мгновение все картины потускнели. Краски побледнели, а очертания расплылись.

— Нет, — прошептал Виктор, зажмурившись. — Я этого не отдам.

Нокт приблизился. Его голос стал мягким, почти убаюкивающим. От этого он звучал ещё опаснее.

— Ты не способен остановить пустоту. Она не ломает человека и не причиняет ему страданий. Она всего лишь убирает ненужное.

Дверь резко распахнулась и ударилась о стену. В помещение вбежал помощник. Лицо его побелело, дыхание сбилось.

— Господин! В подземелье что-то случилось. Стены ходят ходуном. Артефакты один за другим загораются.

Нокт замер. На короткое мгновение в его глазах появился страх. Чувство промелькнуло и исчезло, вернув лицу привычную холодность.

— Кто-то приближается, — произнёс он тихо. — Кто-то нашёл путь через тонкие границы.

Он резко повернулся к помощнику. Край плаща задел ножку стола.

— Верни мальчика в камеру. И проследи, чтобы к нему не прикасались. Память пока не трогать.

Нокт снова взглянул на Виктора.

— Пусть остаётся любопытным.

Помощник вывел пленника, толкнув его между лопаток. Виктор едва держался на ногах. В голове гудело, в ушах шумело, а образы родного дома потеряли прежнюю яркость. Он мысленно удерживал их, не позволяя исчезнуть. Его вывели в коридор, провели по лестнице и втолкнули обратно в камеру. Засов с лязгом встал на место.

— Мира, — позвал Виктор. — Ты здесь?

Девочка сидела на тюке соломы в дальнем углу. Её веки покраснели от слёз, но взгляд по-прежнему сохранял упрямый блеск.

— Здесь, — ответила она. — Что произошло?

Виктор опустился рядом и прижался спиной к стене. Холод камня быстро вытянул остатки тепла.

— Нокт хотел стереть мои воспоминания. Хотел, чтобы я забыл дом. Но у него не получилось.

— Ты всё помнишь?

— Пока да.

Мира положила голову ему на плечо. Несколько минут они молчали. Из глубины замка доносились редкие капли. Где-то поскрипывали старые балки. Каменные стены перешёптывались, храня свои тайны.

— Расскажи ещё раз, — попросила Мира. — Про камин. Про огонь. Про искры под потолком.

Виктор начал говорить. Он описывал комнату, деревянную полку над очагом, потрескивание поленьев, тёплый свет на стенах. Не пропускал ни одной детали. Он хотел успокоить Миру, но причина была глубже. Пока он произносил слова, прошлое сохранялось. Каждая фраза удерживала воспоминания в сознании и не позволяла тьме превратить их в пустоту.

* * *

Лиор и Эллара пробирались через лес, который потерял знакомые очертания. Деревья росли слишком близко друг к другу, замыкая вокруг путников плотное кольцо. Ветки цепляли одежду, царапали руки и тянулись следом за плащами. Тропа, по которой они недавно прошли, теперь постоянно меняла направление. Она петляла между стволами, уводила в сторону и снова возвращалась к прежнему месту. Серебряная нить в руке Эллары светилась всё слабее. Искажённое пространство отнимало её силу.

— Мы заблудились, — сказала Эллара.

Она остановилась и опёрлась ладонью о мокрый ствол.

— Я не помню, с какой стороны пришла.

Лиор обернулся. Внутри поднялся страх. Он думал не о себе, а о ней. За одну ночь усталость изменила её лицо. Под глазами залегли тени, губы побледнели, плечи опустились. Он подошёл и осторожно взял её за руки.

— Попробуй вспомнить. Наш дом. Дорогу. Всё, что ещё осталось.

Эллара закрыла глаза. Мысли рассыпались, и она пыталась собрать их по одной.

— Дом… Тёплый. На окнах резные ставни. Пахнет свежим хлебом. Но кухня… я не могу увидеть кухню.

Лиор провёл большим пальцем по её костяшкам.

— Неважно, какой была кухня. Главное, что мы помним цель. Мы идём за Виктором.

Серебряная нить вспыхнула. Свет оказался настолько ярким, что Лиор и Эллара одновременно прикрыли глаза. Между деревьями впереди появился серебристый отблеск. Он двигался на уровне земли и отражался на листьях.

— Вон там, — прошептала Эллара.

Она указала вперёд.

— Родник.

Они направились к свету. Через несколько минут лес расступился, открывая небольшую поляну. В центре бил родник.

Его вода издавала мелодичный звон. На поверхности не было волн, но из глубины доносились чистые ноты, одна за другой. Вода позволяла рассмотреть каждый камень на дне. В прозрачной толще мерцали огоньки, похожие на упавшие звёзды. Лиор остановился.

— Живая вода.

Голос сорвался от волнения. Он снял с плеча сумку и достал флягу. Когда-то дед велел взять её с собой на случай дальней дороги. Теперь сосуд пригодился. Лиор набирал воду обеими руками. Пальцы плохо слушались. Каждая капля ударялась о дно фляги и отзывалась звонкой нотой. Когда сосуд наполнился, он закрыл его пробкой. Давление в груди ослабло. Эллара глубоко вдохнула, расправила плечи и впервые за много дней не поморщилась от боли.

— Теперь можно вернуться к старцу, — сказала она. — Он откроет дорогу к замку.

Лиор кивнул, но флягу не убрал.

— Сначала я кое-что проверю.

Он вынул диск, откупорил сосуд и уронил на металл одну каплю. Артефакт вспыхнул золотым светом. Лиор резко втянул воздух. В память вернулось забытое имя.

— Драгомира Длань, — прошептал он.

Перед глазами возникла его школьная учительница. От неё пахло лавандой и печёными яблоками. Лиор вспомнил её улыбку в тот день, когда впервые решил сложную задачу у доски.

— Вода возвращает воспоминания.

Эллара осторожно прикоснулась к диску. Её глаза расширились.

— Я вспомнила улицу, где выросла.

На лице появилась радость, но она быстро исчезла. Эллара нахмурилась, пытаясь удержать слово.

— Она называлась… Фраза оборвалась. Тень снова легла на её лицо.

— Не мучай себя, — сказал Лиор. — Ты уже вернула часть памяти.

Они повернулись к лесу. Из-за деревьев раздался хриплый голос:

— Не спешите.

На поляне стоял старец. В лесу он выглядел слабее, чем в пещере. Плечи согнулись, кожа стала почти прозрачной, а тело просвечивало сквозь редкие складки одежды.

— Вы нашли источник, — сказал он. — Но понимаете ли, что живая вода способна не только возвращать утраченное?

Лиор крепче прижал флягу к груди.

— Что ещё она делает?

Старец подошёл ближе. Его шаги не нарушили тишины. В серых глазах появилась печаль.

— Она поддерживает равновесие. За одно возвращённое воспоминание может забрать другое. Вода ничего не даёт без платы. Он посмотрел на Эллару.

— Потеря может показаться незначительной. Забытый запах, имя, случайная мелодия. Но для другого человека такая мелочь способна быть целым миром.

Эллара перевела взгляд на флягу. Пальцы дрогнули.

— Нам нужно спасти сына, — сказала она. — Мы должны помнить себя и цель нашего пути.

Старец медленно кивнул.

— Тогда я возьму часть воды. Взамен открою вам дорогу к замку Нокта. По ней вас никто не обнаружит. Она проходит через тонкие места, где время течёт иначе.

Лиор и Эллара переглянулись. В их взгляде смешались тревога, надежда и готовность принять цену. Они понимали: расплачиваться придётся не деньгами.

— Мы согласны, — сказал Лиор.

Старец протянул руку. Эллара передала ему флягу. Он снял пробку, вылил немного воды на землю между корнями. Жидкость исчезла почти сразу. Почва под ногами дрогнула, и лес наполнился глубоким вздохом.

— Теперь ступайте, — сказал старец. — Дорога откроется. И он вернул флягу Лиору.

— Чем ближе вы подойдёте к замку, тем тоньше будет граница между памятью и забвением. Не размыкайте рук. Не позволяйте тьме забрать то, что сохраняет в вас жизнь.

Старец отступил. Его тело стало прозрачным. Сквозь одежду проступили стволы деревьев, затем силуэт растворился в лесном воздухе.

— Благодарю вас, — прошептала Эллара.

В ответ раздался лишь тихий звон родника. Старец улыбнулся. На его лице на миг появился тёплый свет, прорвавшийся сквозь тяжёлые тучи.

— Не нужно благодарности. Верните украденное. Принесите свет туда, где его слишком долго не было.

После этих слов его силуэт растворился среди стволов.

Лиор и Эллара остались одни на лесной поляне. Рядом тихо звенел родник, а серебряная нить в руке Эллары указывала в глубину леса.

Глава 7. Не дай тьме забрать твоё „я“

"Тьма не всегда приходит, чтобы погасить свет. Порой она заговаривает твоим голосом - и ждет, пока ты позабудешь, кому он принадлежит".
Из заветов Хранителей порога.

Лиор и Эллара застыли посреди леса, который в один удар сердца сделался чужим. Не попросту тёмным — отвернувшимся от них. Старец истаял без следа, его выпило само пространство, и в тот же миг диск в ладони Лиора остыл, потух, превратился в простой кусок металла с царапиной на ободе. Серебряная нить в пальцах Эллары перестала светиться и повисла мёртвой тусклой полосой — обрывок, лишённый жизни. Мир выключил свои маяки и бросил их вдвоём в густой, давящей тишине, где различалось только собственное дыхание да редкий стук капли, срывающейся с ветки на прелый лист.

— Мы сбились с пути, — произнесла Эллара тихо, почти шёпотом. В голосе не было паники — лишь горькое, трезвое понимание, какое приходит, когда считать уже нечего. — Диск молчит. Нить мертва. А я… я не помню, с какой стороны река.

Лиор стиснул кулаки до боли в ногтях, и этой малой боли хватило, чтобы удержать внутри холодную волну, поднимавшуюся из глубины. Он боялся не за себя. Он боялся часов, которые уже не вернешь. Виктор был где-то там, за этими деревьями, за скалами, в замке, и каждая пустая минута отодвигала сына ещё на шаг — отлив, уносящий лодку от берега.

— Неправда, — отрезал он, заставляя голос держаться ровно, хотя горло пересохло до золы. — Мы не сбились. Просто теперь придётся идти не по знакам, а по памяти. А память у нас есть. Даже поредевшая.

Эллара вскинула голову в надежде прочесть небо, но над лесом нависли тяжёлые серые тучи — сплошные, без единой прорехи, и ни один луч не пробивался сквозь них. Она опустила взгляд, и тогда справа, между стволами, проступила тонкая неровная линия: расщелина, расселина в земле, оставшаяся приоткрытой — узкий проход меж корней и камня.

— Смотри, — прошептала Эллара, указывая дрожащим пальцем. — Там… что-то есть.

Лиор кивнул, и они направились к расщелине, ступая осторожно, — остерегаясь спугнуть случайную подсказку, как спугивают птицу неловким движением. Камни под ногами были острые, цеплялись за подошвы, выворачивались из мха; корни тянулись к щиколоткам, придерживая, уговаривая, возвращая. Но они шли вперёд: остановиться здесь означало сдаться, а сдаваться было нельзя.

Расщелина оказалась не просто трещиной в скале. Это был узкий извилистый проход, где приходилось двигаться боком, прижимаясь щекой и плечом к холодному мокрому камню, и Лиор ощущал, как сквозь рубаху вытягивается последнее тепло. Воздух здесь пах сыростью, железом и чем-то очень древним — место, где время однажды остановилось и больше не собиралось трогаться с места.

Они одолели, может быть, четверть пути, когда тишину разорвал резкий металлический звон: сталь о сталь, хруст веток под тяжёлыми сапогами. Из темноты впереди выступили фигуры в тёмных плащах; капюшоны скрывали лица так безупречно, что под тканью, казалось, не было лиц вовсе. Стражники. Их было пятеро, и каждый держал оружие, от которого веяло не простой угрозой, а самой сутью тьмы — холодной, расчётливой, безжалостной.

— Стоять! — рявкнул один из них, высокий, с тяжёлым мечом, лезвие которого мерцало тусклым, неестественно фиолетовым светом; отсвет лёг на мокрый камень разлитым маслом. — Вы нарушили границу миров. Никто не должен знать эту тропу.

Лиор шагнул вперёд, заслоняя Эллару плечом. Сердце колотилось под самым горлом, мешая говорить, и он нарочно выдохнул до конца, прежде чем раскрыть рот.

— Мы не ищем тропу, — произнёс он спокойно. — Мы ищем сына. Он в замке Нокта.

Стражник усмехнулся. В этом смехе не было ни капли веселья — одно презрение, сухое и короткое, плевок на камень.

— Сын? В замке Нокта нет сыновей. Там есть ученики. Будущие слуги тьмы. И если вы думаете, что сможете попросту забрать его и уйти, вы не понимаете, с чем столкнулись.

Из темноты вышел ещё один стражник — не такой крупный, двигавшийся бесшумно, без звука шагов по щебню. Он остановился в двух шагах, и Эллара разглядела его глаза: холодные, пустые, колодцы без дна.

— Приказ господина Нокта, — тихо, но отчётливо произнёс он. — Любой, кто идёт к замку по тонким местам, должен быть остановлен. Любой, кто пытается нарушить равновесие, должен быть устранён.

Эллара стиснула в кулаке ставшую бесполезной нить, перебирая её пальцами, как чётки, — в надежде, что серебро снова потеплеет и оживёт.

— Мы не хотим войны, — сказала она, выравнивая голос. — Нам не нужна власть. Нам нужен только наш мальчик.

— Тогда вы пришли не туда, — спокойно ответил первый стражник. — В этом лесу нет места для «просто забрать». Здесь платят. И цена всегда выше, чем кажется.

Он махнул рукой коротко, почти лениво, и стражники двинулись вперёд, растягиваясь полукольцом и отрезая проход. Лиор выхватил из-за пояса короткий клинок, который носил не ради славы и подвигов, а на случай волка и прочего зверя. Эллара встала рядом, спиной к скале, чувствуя, как холод камня сходится внутри неё с жаром страха и сводит лопатки.

Первый удар обрушился на клинок Лиора, выбив искры и звон, от которого проснулся весь лес. Деревья наверху вздрогнули, ветви зашуршали разом — тысячи голосов, шепчущих предупреждение. Лиор отбивал, отступал, снова отбивал, стараясь держать врагов на расстоянии вытянутой руки, но их было слишком много, и каждый удар нёс в себе не только силу. В них было намерение: сломать, уничтожить, стереть.

Один из стражников рванулся к Элларе. Она не успела ни испугаться, ни подумать: нога сама ударила снизу вверх, под колено — так когда-то в саду показывал ей отец, посмеиваясь и повторяя, что это не драка, а разговор. Стражник взвыл и осел набок, но второй тут же перехватил её запястье и стиснул так, что кости едва не хрустнули, а пальцы мгновенно онемели.

— Не сопротивляйтесь, — прошипел он ей в лицо, и от его дыхания пахнуло стылой землёй. — Это только усложнит вашу участь.

Лиор увидел это боковым зрением и бросился вперёд, не выбирая, пользуясь единственным шансом: ударил по ноге ближайшего стражника, подсекая, и тот рухнул всем весом, увлекая за собой ещё одного. Железо загремело о камень. У них появилось несколько секунд.

— Беги! — крикнул Лиор, не оборачиваясь: оборачиваться было некогда. — Найди укрытие! Я задержу их!

Но Эллара не двинулась с места. Она вывернула руку из чужой хватки, обдирая кожу о наруч, и встала ближе к мужу, а не дальше.

— Я не оставлю тебя! — крикнула она. — Мы идём вместе! Мы возвращаемся вместе!

И тогда из расщелины позади них вырвался свет — не тёплый, а резкий, слепящий, от которого глаза наполнились слезами, а камень вокруг сделался белым как кость. Стражники замерли, вскидывая локти к лицам. Из света вышел не человек, а существо, похожее на тень,

сотканную из звёзд: невысокое, с длинными тонкими руками и глазами, в которых отражался весь лес сразу, до последней ветки.

— Тонкие места не любят насилия, — произнесло оно голосом, похожим на шелест листвы перед дождём. — Здесь нельзя попросту взять и пройти. Здесь нужно быть приглашённым. Или заплатить.

Стражники обернулись все разом. В их глазах мелькнул настоящий страх — не тот, что бывает перед сильным человеком, а другой, глубинный: страх перед чем-то, что было старше их приказов, их клятв и, должно быть, старше самого господина, которому они служили.

— Кто ты? — хрипло спросил первый стражник. Он поднял меч, но кончик лезвия дрожал, и фиолетовый отсвет прыгал по стене.

Существо улыбнулось, и улыбка эта напоминала рассвет, пробивающийся сквозь тучи после долгой ночи дождя.

— Я — хранитель порога. И я говорю: эти двое идут дальше. Их путь ещё не закончен.

Стражники отступили, словно их оттолкнули невидимой ладонью, и тени сомкнулись за ними, втянув фигуры обратно в темноту прохода. Стало так тихо, что Эллара услышала, как капает вода с её собственных волос. Существо повернулось к ним, и его глаза на мгновение сделались почти человеческими — усталыми.

— Вы заплатили памятью, — тихо произнесло оно. — Теперь платите вниманием. Слушайте лес. Он скажет, куда идти.

С этими словами хранитель растворился в свете, и свет опал — пеплом. После него остался лишь лёгкий запах дождя, грозы, прошедшей стороной, и странное, тёплое чувство: кто-то очень старый и очень мудрый только что встал у них за спиной и прикрыл её собой.

* * *

Тем временем в тёмном замке уроки шли своим чередом, но назвать это занятиями было уже нельзя. Это была медленная, терпеливая, методичная работа по вытравливанию из детей всего, что светилось.

Помимо «Ядоварения», их учили заклинаниям, причинявшим не только телесную, но и душевную боль. Эти чары не оставляли на коже ни следа. Они врезались в память, царапали изнутри, заставляли чувствовать вину там, где её не было, стыд за то, чего дети не делали, и страх перед тем, что они якобы могли бы совершить.

Зал для тренировок был круглым, с каменными стенами, покрытыми символами, которые начинали шевелиться, если смотреть на них слишком долго, — и Виктор давно научился не смотреть. Дети стояли в кругу, держа в руках тонкие металлические стержни, инструменты для направления магии, такие же холодные и безжалостные, как сами учителя. От стержней пахло пылью и остывшим железом.

Мастер — сухопарый человек с длинными пальцами — ходил между рядами и постукивал ногтем по стержням, проверяя хватку. Звук выходил короткий и сухой, как щелчок по рёбрам.

- Сегодня мы будем учиться пробуждать в человеке вину, — спокойно сказал мастер, рассуждая об этом так же буднично, как о погоде. — Это одно из самых действенных орудий тьмы. Вина давит тяжелее камня и ломает человека быстрее любой боли.

Дети тревожно переглядывались. Лица побледнели, глаза расширились от страха. Один ребёнок едва слышно всхлипывал, другой втягивал воздух сквозь стиснутые зубы. Несколько учеников вцепились в металлические стержни до белизны костяшек. Виктор стоял в дальней части круга и старался не поднимать взгляда. Внутри него что-то разрушалось — медленно, почти незаметно. Тонкие надломы расходились по душе один за другим, оставляя после себя пустоту.

— Повторяйте, — велел мастер. Его голос звучал равнодушно, как если бы он зачитывал давно известный приговор. — «Я виноват. Я принёс боль. Я уничтожил то, что любил».

Дети дрожащими голосами произнесли фразу. С каждым новым повтором их мысли становились тяжелее, а воля слабела. Один ученик заплакал, другая девочка спрятала лицо в ладонях, пытаясь заглушить собственный голос. Виктор стиснул зубы и удерживал в памяти единственную правду: «Это ложь. Я ничего не разрушал. Я любил». Однако слова мастера всё равно прорывались наружу. Они выскальзывали сквозь напряжённые губы, и от этого страх становился ещё сильнее.

— Громче! — потребовал учитель. — Эти слова должны войти в вас. Пусть они встречают вас на рассвете и провожают перед сном.

Виктор сжал стержень. Острый край металла врезался в ладонь, оставляя светлый след. В груди шевельнулась знакомая искра — маленькая, упрямая, не желавшая гаснуть. Она уже не сияла прежней силой. В ней оставалось лишь слабое тление, едва заметное среди остывающих углей, но мальчик всё ещё ощущал её присутствие и дышал осторожно, охраняя остаток тепла.

Когда занятие закончилось, детей вывели во двор. Холод пробрался под тонкие плащи, прошёл вдоль позвоночника и вытянул из одежды последнее тепло. Башни уходили в серое небо, настолько далёкое, что его можно было принять за небо иной реальности. Мира подошла к Виктору. Её плечи подрагивали, но слёз уже не было. На плач у неё больше не осталось сил.

— Они хотят заставить нас поверить, — прошептала она, глядя на каменные плиты. В трещинах между ними застыла тонкая корка льда. — Хотят, чтобы мы сами вынесли себе приговор.

Виктор кивнул. Внутренние надломы отзывались новой болью.

— Но мы не обязаны им верить, — сказал он. — Даже если нас заставляют произносить ложь. Даже если стирают прошлое. Мы должны помнить, кто мы есть.

Мира подняла лицо. В её глазах появилась слабая надежда — хрупкая, дрожащая, почти готовая исчезнуть, но всё ещё живая.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила она. — Хорошее. Про свой дом. Про родителей.

Виктор прикрыл глаза и мысленно потянулся к воспоминаниям, где было настоящее тепло. К тому, чего стены замка пока не сумели отнять.

— У нас на кухне всегда пахло свежим хлебом, — начал он. Голос звучал хрипло, каждое слово царапало горло. — Мама пекла его по утрам, и запах расходился по всему дому. А папа ставил чайник так, чтобы тот свистел ровно в семь. Он говорил, что настоящий день начинается с этого звука.

Мира слушала, чуть повернувшись к нему. Она прикрыла глаза и изо всех сил старалась увидеть его дом: кухню, утро, людей, которых никогда не встречала.

— А камин? — спросила она. — Расскажи о нём.

Виктор улыбнулся. На осунувшемся лице эта улыбка стала редким проблеском света.

— Камин был огромным. Вокруг него лежали камни с резьбой. Ночью огонь бросал на стены движущиеся тени. Папа уверял, что это духи дома пересказывают старые истории. Мама смеялась и спорила: по её словам, там были лишь отблески пламени. Но мы с папой знали правду.

Мира кивнула. На её лице появилось подобие спокойствия. Его было мало, оно не могло избавить от страха, но помогало пережить ещё один день.

— Спасибо, — прошептала она. — Пока ты говоришь, я всё помню.

Дверь башни распахнулась с протяжным скрипом. Несколько детей вздрогнули. Во двор вышел Октар Нокт. Он казался выше обычного, а его плащ почти не двигался под порывами ветра. Взгляд Нокта был холодным и тяжёлым, наполненным мраком замка.

— Те, кто сопротивляется, будут наказаны, — негромко произнёс он. Его голос хлестнул по двору. — Тех, кто держится за прошлое, мы лишим и прошлого.

Помощники вывели вперёд нескольких детей. Ещё вчера они отказывались произносить заклинания, закрывали товарищей собой и открыто бросали вызов учителям. Теперь они стояли в ряд с белыми лицами и серыми губами. В их глазах застыл ужас, но где-то глубоко сохранялось упрямство. Виктор заметил этот огонёк даже на расстоянии.

Нокт медленно прошёл вдоль строя и заглянул каждому ребёнку в лицо.

— Вы принимаете доброту за силу, — сказал он. — На самом деле доброта делает вас беззащитными. Мы избавим вас от всего, что способно причинить боль. После этого вы станете непобедимыми.

Он щёлкнул пальцами.

Помощники подвели к детям людей в серых балахонах. Виктор знал их: раньше они обрабатывали его ожоги странной зелёной мазью и дули на кожу, чтобы уменьшить жжение. Теперь в руках у них не было ни флаконов, ни бинтов. Каждый держал тонкую иглу из чёрного металла. На её поверхности мерцал тусклый свет, который не отражался наружу, а уходил в глубь.

— Это не причинит вреда, — тихо сказал один из служителей. Уверенности в его голосе не было. — Мы лишь уберём ненужное.

Дети закричали и попытались вырваться. Они упирались ногами в камень, дёргались, звали на помощь, но крепкие руки удерживали их за плечи и подбородки. Игла входила в висок одним коротким движением. На несколько секунд лицо ребёнка становилось неподвижным, лишённым выражения. Затем черты возвращались, однако взгляд оставался пустым. Это была не потеря чувств. Из человека вынимали прошлое.

Виктор смотрел на происходящее, не находя сил отвернуться. Внутренние трещины расширялись. Тьма нашла слабое место и медленно углубляла разлом. Ему хотелось закричать, броситься вперёд, выбить иглу из руки служителя. Но он понимал последствия. Его скрутят, удержат, а затем сделают с ним то же самое. Вместе с памятью исчезнет даже утренний свист чайника.

— Не смотри, — прошептала Мира, прижавшись к его плечу. Её пальцы вцепились в рукав. — Не смотри на них. Иначе они доберутся до тебя.

Виктор закрыл глаза, но картины продолжали стоять перед ним. Мальчик, ещё вчера смеявшийся над шуткой о поваре, теперь сидел на земле и безучастно смотрел в стену. Девочка, каждый вечер рассказывавшая о бабушке и рыжем коте, больше не помнила ни бабушку, ни кота.

— Мы обязаны что-то сделать, — прошептал Виктор. Он сжал кулаки, и ногти впились в кожу. — Нельзя просто смотреть.

Мира вытерла лицо рукавом и подняла взгляд. В нём появилась твёрдость, не свойственная ребёнку.

— Тогда сохраним их истории, — ответила она. — Будем помнить за них. Пока память жива, они не исчезли.

Виктор кивнул. Искра в груди дрогнула и стала чуть ярче. Её света хватило, чтобы он понял: он всё ещё здесь. Он не сломлен.

* * *

Лиор и Эллара продолжали путь через лес. Теперь деревья не казались им враждебными. Лес настороженно следил за путниками, словно хозяин, открывший дверь незнакомцам и ещё не решивший, разрешить ли им войти.

Свет хранителя порога не освещал дорогу. Он лишь удерживал тьму на расстоянии, оставляя перед ними пространство для следующего шага.

— Ты слышишь? — спросила Эллара и остановилась. Голову она повернула набок. — Лес пытается что-то сказать.

Лиор замер и задержал дыхание. Сначала он различал только шум ветра в кронах и шелест листвы под ногами. Затем сквозь эти звуки пробилась мелодия — тихая, почти неуловимая, с переливами далёких колокольчиков. Он узнал её. Так пел родник.

— Туда, — прошептал Лиор, вытягивая руку. — Нужно добраться до источника. Возможно, живая вода покажет нам путь мимо стражников.

Они пошли на звук. Мелодия постепенно набирала силу, становилась чище и яснее. Природа сама направляла их, не позволяя свернуть в сторону. Наконец деревья разошлись, и путникам открылся небольшой родник. Вода переливалась серебром. Каждая капля, падавшая с камня, отзывалась чистой нотой, а множество звуков складывалось в бесконечную песню.

— Живая вода, — прошептала Эллара.

Она опустила пальцы в холодный поток и почувствовала, как боль в повреждённом запястье отступает. Лиор достал флягу, опустился на колено и подставил её под струю. Вода вливалась почти бесшумно, но каждая капля несла чью-то память: солнечное тепло на крыльце, детский смех в соседней комнате, запах родного дома, любовь, которой не требовались объяснения. Когда фляга наполнилась, Лиор закрыл её пробкой. Тяжесть в груди отступила, дыхание стало свободнее. Эллара тоже глубоко вдохнула — впервые за много дней без страха и напряжения.

— Теперь мы можем двигаться дальше, — сказала она. — Мы найдём Виктора.

Лиор спрятал флягу под плащ, прижав к телу.

— И заберём его. Даже если стены придётся разбить голыми руками.

Они уже собирались идти, но внезапно остановились. Из-за деревьев появились новые фигуры. Это были не мечники, встреченные ими раньше, а тени, служившие Нокту. На этот раз их оказалось гораздо больше. В руках они держали странные артефакты — небольшие сферы, внутри которых медленно вращался густой мрак.

— Вы надеялись, что один хранитель порога станет вашей защитой? — тихо спросил один из служителей, выступая из ряда. — Тонкие места открыты не одному свету. Тьма тоже умеет находить эти дороги.

Лиор крепче прижал к себе флягу. Холод металла пробился сквозь ткань, напоминая о единственном преимуществе: у них было то, чего не имели эти порождённые мраком фигуры.

— Тогда тьма узнает, что нас не сломить, — твёрдо ответил он. — Мы заберём своего сына.

Они сомкнулись спинами, чувствуя дыхание друг друга, и приготовились встретить новую опасность. Каждый понимал: любое движение вперёд приближает их к Виктору. Отступать они не собирались.

* * *

В далёком холодном замке маленький Виктор стоял среди серых плит, подставив лицо ледяному ветру. Губы едва заметно шевелились, повторяя завет, который никто не мог у него отнять: «Я помню. Помню дом. Помню вас. Я дождусь».

* * *

Лес вокруг Лиора и Эллары зашумел, пропуская между ветвями тихий шёпот: «Идите. Дорога ещё открыта. Пока память жива, путь не исчезнет».

Глава 8. Приказ Нокта: стереть себя

"Тьма способна стереть имя, черты лица, даже путь к дому. Но до тех пор, пока тебя помнит хотя бы один человек - ты продолжаешь существовать".
- Из летописей Хранителей порога.

Кольцо сомкнулось. Стражники приближались молча — ни окриков, ни команд, лишь ровное, безостановочное движение вперед, схожее с приливом, который медленно, но верно пожирает берег. Плащи их не шелестели: материя, из которой они были сделаны, не была материей вовсе — это была застывшая тень, и складки на ней застыли так, что казалось их сотворил резец по холодному камню. Лица под капюшонами утопали во мраке, отчего становились нечеловеческими — точно ночь сама вырезала их из собственной плоти.

С каждым их шагом дышать делалось все труднее. Воздух наливался густотой, наполовину ставший свинцом, и каждый вдох приходилось выдавливать из горла усилием. Мысли Лиора сбивались, хватались за осколки прошлого и распадались, не успевая собраться в замысел: лицо сына, скрип калитки, отцовский голос. Эллара стояла вплотную, спина к спине, и лопатками он ощущал: ее дыхание учащается, тьма вытягивает из нее воздух глоток за глотком.

— Не встречайся с ними взглядом, — сипло выдохнул Лиор, сам не понимая, откуда взялась эта мысль. — Не оставляй им ни единой зацепки.

Эллара склонила голову в знак согласия, не оборачиваясь. Ее рука за спиной нащупала его локоть и сжала.

— Это не люди, — прошептала она. — Это… оболочки. Тьма создала их из собственной субстанции.

Пальцы Лиора стиснули фляжку с живой водой. Металл был ледяным — обжигал ладонь холодом, а внутри мерцали крошечные огоньки: звезды, упавшие в воду и не угасшие. Он намеревался убрать фляжку за пазуху — как последнюю надежду, но руки дрожали и не подчинялись, и под напором ладони пробка вылетела с едва слышным хлопком, похожим на вздох.

Вода выплеснулась дугой и обожгла ближайшего стража. Тот застыл — видимо, не осознав случившегося — и качнулся вперед. И следом закричал. Но крик этот не был человеческим: он прозвучал как скрежет камня о камень, хруст ломающегося льда, стон земли, которую разрывают изнутри. Страж рухнул на колени, вцепился в грудь и начал таять. Не так, как тает снег под солнцем, — так, как исчезает тень, когда ее заливает внезапный свет. Контуры расплылись, плечи обрели прозрачность, и сквозь них стала видна трава. И вот страж растаял без следа, оставив лишь тонкий запах гари и пустоту, на которую было невыносимо смотреть.

Лиор и Эллара застыли на месте. Оба отказывались верить собственным глазам.

— Живая вода, — выдохнула Эллара, разглядывая фляжку так пристально, словно держала ее в руках впервые. — Она… она испепеляет тьму.

Лиор кивнул. В груди засияло что-то похожее на надежду — острое, колючее, неуютное, но живое, — и спину стало легче держать прямо.

— Значит, это не просто память, — произнес он вполголоса. — Это оружие. Против них.

Стражники, стоявшие ближе всех, синхронно подались назад — единым движением, всем корпусом, точно почуяв жар. Однако их было слишком много, и отход этот оказался

недолгим: кольцо качнулось и вновь стало сужаться. Один из них — самый рослый, с длинными, похожими на когти пальцами — выступил вперед. Голос его рождался не в горле, а глубоко под землей, в корнях и в камне:

— Ты веришь, что горсть воды нас остановит? Мы — тень этого мира. Мы — его дыхание. Тот, кто соткан из ночи, непобедим.

Лиор вскинул фляжку выше, и ледяной холод металла побежал по запястью, добрался до локтя, прояснил разум.

— Возможно, — ответил он ровно. — Но удержать тебя я сумею. Чтобы мы успели пройти.

Он плеснул водой перед собой — не целясь, просто создавая завесу из серебристых капель. В то же мгновение, когда вода соприкоснулась с воздухом, она разгорелась светом — негромким, но чистым, похожим на первый рассветный луч, пробивающийся сквозь низкие тучи. Стражники шарахнулись, закрывая лица рукавами: свет так резал их глаза, что тонкие пальцы скрутились.

— Беги! — крикнул Лиор, обернувшись к Элларе. — К расщелине! Я их удержу!

Но Эллара не тронулась с места. Лишь перекрутила в руке край плаща.

— Вместе, — отрезала она. — Или никак.

И тогда меж деревьев вновь проступил хранитель порога. Ни бега, ни спешки — он просто оказался там, где мгновение назад никого не было, словно воздух раздвинулся, уступая ему дорогу. Его фигура мерцала, напоминая лунную дорожку на воде, и сумрак вокруг отступал, редел, светлел.

— Тонкие места не терпят насильственного разрыва, — сказал он, и голос его походил на шелест листвы, на далекий перезвон колокольчиков на ветру. — Но они принимают тех, кто помнит.

Он протянул руку, и с его пальцев пролился поток света — не слепящего, не обжигающего, а теплого, как солнечный луч, пробившийся сквозь густую листву. Свет обернулся вокруг Лиора и Эллары тонкой, едва различимой пеленой, и стражники, наткнувшись на нее, отпрянули, ударившись как о раскаленное стекло.

— Идите, — тихо промолвил хранитель. — Я их удержу. Только запомните: вода — не просто оружие. Это память. И пока вы помните — тьма бессильна против вас.

Лиор и Эллара рванули к расщелине. С каждым шагом дыхание выравнивалось, свинцовая тяжесть покидала грудь, мысли выстраивались в слова. У самого прохода между скалами — узкого, похожего на щель в ставне — Лиор обернулся. Хранитель развернулся к стражникам, и его фигура начала расти, подниматься и расширяться, как если бы сама земля подставила ему плечо.

— Вам сюда хода нет, — произнес он, и теперь голос его гремел раскатом грома, шумом ветра в кронах, гулом целого леса разом. — Этот путь открыт лишь тем, кто идет с чистым сердцем.

Стражники бросились в атаку. Их мечи проходили сквозь хранителя, не встретив ни плоти, ни сопротивления, рассекая лишь свет. Сами же они спотыкались на ровном месте, словно под ногами у них поднимались невидимые корни, сжимали щиколотки и утаскивали вниз, в сырую землю.

* * *

А в сырой, темной камере, куда Виктора затолкали после очередного «урока», огонек в его душе — тот, что еще недавно пытался разгореться, — медленно угасал. По стенам тянулись капли влаги, сбегали вниз дорожками, напоминающими слезы на щеке, а в воздухе стоял запах

сырости, плесени и чего-то горького, железного, пропитавшего даже само дыхание этого места чужим отчаянием.

Виктор сидел на ледяном полу, подтянув колени к груди и обхватив их руками. Его взгляд прилип к крошечной трещине в стене, похожей на окаменевшую молнию. Он представлял если смотреть достаточно долго, не мигая, то трещина дрогнет, полезет вверх, расширится, и сквозь нее в камеру просочится хоть капля света. Трещина оставалась на месте. Холодная и безучастная, как и все в этом замке.

Тоска обрушилась на него мокрым тяжелым плащом, придавила плечи, сдавила ребра. К ней примешивалась обида — горькая, колючая, разъедающая изнутри. Обида на родителей. За то, что молчали о его способностях, о существовании замка, о том, что тьма ищет его по имени. Знай он раньше — был бы готов. Сумел бы защититься. Не сидел бы здесь, прислушиваясь к тому, как трещины тьмы внутри него удлиняются и расползаются по душе паутиной, затягивая все, что оставалось светлым.

«Почему они молчали?» — мысль кружила в голове безостановочно, как игла на заезженной пластинке. «Почему не подготовили? Почему бросили одного?»

Он зажмурился и потянулся памятью к дому: камин, пламя, искры, летящие к потолку, мамины руки, пахнущие ванилью, папина улыбка, пока он чинил забор, держа гвозди в зубах. Но воспоминания уже не жгли, как раньше. Они стали похожи на старые фотографии, слишком долго пролежавшие на солнце: краски поблекли, контуры расплылись, и сколько ни всматривайся — уловишь лишь общие очертания, а детали растворились.

«Я забываю», — мысль обожгла его сильнее любого заклинания мастера. — «Я забываю их лица. Голоса. То, что они говорили мне перед сном».

Дверь камеры заскрипела, и внутрь просочилась Мира. Бледная, с покрасневшими от слез глазами, с прядью, прилипшей к щеке, — но подбородок держала прямо, и в глазах ее тлел упрямый огонек, отказывавшийся погаснуть.

— Виктор, — негромко окликнула она, подходя ближе и опускаясь рядом на пол. — Ты здесь?

Виктор кивнул, не открывая глаз.

— Здесь, — прошептал он. — Но мне кажется, я… растворяюсь.

Мира прислонилась головой к его плечу. От ее волос пахло пылью и легким дымком, и это тепло чуть оттеснило холод, сковавший его изнутри.

— Ты не растворяешься, — твердо сказала она. — Пока я помню тебя — ты здесь.

Виктор открыл глаза и повернул к ней лицо. В полумраке различался лишь блеск ее зрачков.

— Но я забываю, — прошептал он. — Забываю их. Родителей. Дом. Все, из чего складывался я.

Мира нашла его руку и сжала. Пальцы у нее были теплые, живые, настоящие, с обкусанными ногтями.

— Тогда я буду помнить вместо тебя, — тихо сказала она. — Я буду рассказывать. Каждый день. Каждую минуту. Пока ты не вспомнишь сам.

Она закрыла глаза, собирая слова по одному из темноты, и заговорила:

— Твой дом… он был теплым. С резными ставнями. На кухне всегда пахло хлебом — твоя мама пекла его по утрам. А твой папа… он ставил чайник так, чтобы свисток свистел ровно в семь. Он говорил: утро начинается со свистка.

Виктор слушал, и с каждым ее словом выцветшие картины обретали краски — словно кто-то подливал масла в догорающую лампу.

— Да, — прошептал он, цепляясь за эти слова, как за веревку, протянутую через воду. — Да, я помню. Свисток. И камин. И как тени на стенах танцевали, как живые.

Мира кивнула, и в ее глазах мелькнуло облегчение — мгновенное, как отблеск.

— Вот видишь, — тихо сказала она. — Ты помнишь.

Дверь заскрипела вновь. В камеру шагнул один из надзирателей — щуплый, невысокий, с пустыми холодными глазами. Он окинул детей взглядом, и на его лице не читалось ни злости, ни жалости — лишь равнодушие, пугающее сильнее любого крика.

— Встаньте, — бросил он коротко. — Следующий урок.

Мира стиснула руку Виктора так сильно, что заныли косточки, — надеясь что могла удержать его на этом крошечном островке тепла.

— Останься, — прошептала она. — Умоляю.

Виктор помотал головой и бережно разжал ее пальцы.

— Если я откажусь, накажут тебя. Или кого-то другого. Я не могу, чтобы из-за меня кому-то было хуже.

Он встал, опираясь ладонью на влажную стену. Колени тряслись, в ушах стоял шум, однако в груди вновь зашевелилась та самая искра — неяркая, слабая, но упрямая, не привыкшая сдаваться.

Коридор тянулся мимо запертых дверей, и Виктор улавливал за ними приглушенные всхлипы, шепот, молитвы, обращенные в пустоту. И вдруг на него снизошла ясность, от которой дышать стало проще: пусть тьма вычерпает из него всю память до последней крупицы — она не должна забрать его голос.

— Мира, — произнес он вполголоса, когда они остановились у двери зала. — Если я забуду… если не сумею вспомнить… ты снова мне расскажешь. Обещаешь?

Мира посмотрела на него снизу вверх, и в ее взгляде смешались боль и упрямство в такой мере, что на миг показалась старше и сильнее.

— Обещаю, — ответила она твердо. — Расскажу. Хоть тысячу раз подряд.

Дверь распахнулась настежь, и их втолкнули внутрь. Зал тонул в темноте; лишь в центре дрожала тусклая лампа, вытягивая по стенам кривые длинные тени. Октар Нокт стоял возле стола, уставленного диковинными предметами: металлическими дисками, стеклянными колбами, тонкими иглами, похожими на лапы паука, выложенными в аккуратные ряды.

— Приятно видеть, что вы еще передвигаетесь на своих ногах, — проговорил Нокт ровно, не отрывая глаз от стола. — Сегодняшний урок — стирание не чужой памяти, а собственной. Это сложнее. И полезнее.

Дети переглянулись. Лица — белые, глаза распахнутые; кто-то за спиной Виктора часто задышал носом, сдерживая слезы. Виктор сжал кулаки, и искра в груди разгорелась на градус ярче.

«Меня они не сотрут, — решил он. — Даже если заставят повторять их слова. Даже если попытаются вырвать воспоминания. Я буду держаться за каждый осколок прошлого — за мелочь, за запах, за звук. Пока я помню — я жив».

Нокт поднял голову. Взгляд неспешно скользнул по шеренге детей и замер на Викторе. В глазах мелькнуло подобие интереса — далеко не доброго: хищник, обнаруживший брешь в защите жертвы и прикидывающий расстояние.

— Ты, — выделил он голосом, указывая пальцем. — Ты слишком цепко держишься за прошлое. Из-за этого ты беззащитен. Проверим, сколько в тебе еще осталось света.

Щелчок пальцев. Помощники взяли Виктора под локти и подвели к одному из артефактов — металлическому диску с гравировкой из символов, пульсировавших мутным фиолетовым светом в ритме чужого, постороннего дыхания.

— Рука на диск, — распорядился Нокт спокойно. — И отпусти прошлое.

Виктор опустил взгляд на диск, затем нашел глазами Миру. Она стояла у стены, стиснув кулаки до белых костяшек, и мольба со страхом в ее взгляде были так сильны, что ему захотелось закричать, рвануться, закрыть ее собой. Но он знал, чем ответ обернется для нее, — и не двинулся с места.

— Нет, — сказал он тихо, но без тени колебания. — От своего прошлого я не откажусь.

Бровь Нокта едва приподнялась, как если бы он увидел нечто неожиданное.

— Любопытно, — проговорил он негромко. — Весьма любопытно. Большинство на этой стадии ломается. А ты держишься. Проверим, сколько в тебе уцелело добра.

Он шагнул ближе, и голос его потеплел — а от этого тепла по спине Виктора пробежал холод посильнее любого крика.

— Ты уверен, что память — твоя сила? Ошибаешься. Это твоя слабость. Она делает тебя беззащитным. Она дает нам рычаг, чтобы тебя переломить.

Пальцы Виктора сжались до боли в ладонях. Тонкие трещинки внутри дрогнули и углубились — он ощутил это так же отчетливо, как холод каменного пола под подошвами. Но искра не погасла.

— Пусть, — прошептал он. — Пусть они делают меня беззащитным. Но они же делают меня мной. И от этого я не откажусь.

Нокт улыбнулся, улыбка промелькнула по его лицу и растаяла, не оставив следа ни в глазах, ни в голосе.

— Поживем — увидим, — произнес он вполголоса. — Увидим, сколько ты вынесешь.

* * *

Лиор и Эллара неслись по узкой щели между скалами, сдирая плечи о камень, и воздух с каждым шагом очищался, а свет впереди набирал силу. Расщелина вывела их на небольшую поляну, окруженную древними деревьями: их корни переплетались поверх земли, как живые существа, оберегающие порог. В центре возвышался низкий каменный алтарь, поросший мхом, — по его поверхности тянулись странные знаки, мерцавшие ровным приглушенным сиянием.

— Место силы, — тихо определила Эллара, остановившись и осматриваясь. Голос охрип от бега. — Здесь тонкие места истончаются до предела. Отсюда можно шагнуть прямо к замку.

Лиор отдышался и посмотрел на фляжку. Вода внутри мерцала чаще обычного — онп понимала, что час настал, и торопила.

— Тогда откроем проход, — негромко сказал он.

Он подошел к алтарю, опустился на колено и пролил несколько капель живой воды на знаки. Вода исчезла в камне без следа, и символы вспыхнули чистым светом, разогнавшим сумрак между стволами. Воздух задрожал, как над раскаленным камнем в полдень, и перед ними поднялась тонкая, почти невидимая завеса — зеркало, отражавшее не прошлое, а будущее: размытое, неясное, но обещавшее, что путь существует.

— Мы почти дошли, — прошептала Эллара, находя его руку. — Мы доберемся.

Лиор сжал ее ладонь, и тяжесть в груди отступила на полшага.

— Да, — ответил он тихо. — Мы вытащим его оттуда. Даже если придется разобрать эти стены руками.

Они шагнули сквозь завесу. Мир на мгновение замер, набрав воздуха, — и преобразился. Деревья стали выше, небо — ниже и темнее, потянуло холодом камня и золой. Впереди, на вершине холма, вырисовывались очертания замка Нокта: огромного, угрюмого, похожего на спящего хищника, готового при пробуждении наброситься на любого, кто потревожит его покой.

А где-то там, за холодными стенами, маленький Виктор стоял перед металлическим диском и повторял про себя, не шевеля губами: «Я помню. Я помню дом. Я помню вас. Я дождусь».

Лес же вокруг Лиора и Эллары качал кронами и шептал вслед: «Идите. Путь не закрыт. Пока жива память — путь не закрыт».

Глава 9. Между долгом и любовью

"Долг велит идти к тому, кто ждёт.Любовь не позволяет уйти от того, кого уже потерял".
- Из записей Хранителя Пепельных врат.

Живой воды оставалось всего несколько капель — столько, сколько могло удержаться на кончике пальца. Лиор поднял флягу к свету. На дне дрогнула прозрачная капля, похожая на кусочек расплавленного стекла. Это уже не глоток, а память о нём.

Он медленно закрутил пробку, придерживая горлышко двумя пальцами. Эллара следила не за флягой, а за его руками. В её глазах промелькнуло смирение. Не покорность — понимание. Лёгкой дороги впереди не осталось.

Они двигались по едва различимым тропам. Те петляли среди колючих кустов, исчезали в глухих зарослях, где даже в полдень царили серые сумерки, а потом выводили на открытые поляны, от которых становилось ещё тревожнее. Шипы цеплялись за подол, рукава и волосы. Эллара давно перестала освобождать ткань — просто срывала её с ветвей и шла дальше. Они переходили ледяные ручьи. Вода в них была прозрачной до такой степени, что дно терялось из виду, а ноги ступали по пустоте. Холод пробирался под кожу, сводил мышцы и добирался до костей. Иногда им приходилось проходить сквозь стены водопадов. Грохот воды заглушал голоса, поэтому они объяснялись жестами, взглядами и прикосновениями — всем, что не мог смыть поток. Лиор научился понимать согласие Эллары по тому, как она сжимала его запястье. Два коротких сжатия означали: «Идём».

Портал обманул их. Вместо замка он выбросил путников далеко от цели. Дни превращались в недели, недели — в месяцы. Время исчезало незаметно, как пуговица, потерянная во время долгой дороги. Солнце перестало подчиняться привычному ходу. Оно то задерживалось над горизонтом, то исчезало на долгие часы. Луна кружила в небе, не меняя фазы: тусклая, холодная, чужая. Времена года перемешались. Иногда становилось тепло, и из земли пробивались бледные цветы с неестественно яркими лепестками. От них тянуло сладковатой гнилью. В другой день внезапный мороз покрывал листья каплями, превращавшимися в крошечные стеклянные иглы. На ветру они звенели тонко и тревожно.

Замок оставался на горизонте всё это время. Чёрная башня торчала в небе, как острый зуб, но ближе не становилась. Лиор пытался проверить расстояние. Утром он выбирал ориентиром расщеплённую сосну. Вечером оглядывался и видел башню под тем же углом, на той же высоте. Казалось, её прикололи к небосводу булавкой. Сколько бы они ни шли, сколько бы преград ни преодолевали, цель не приближалась. Земля растягивалась под ногами, не позволяя им добраться до замка.

Пошёл первый снег. Он лёг на землю тонким покрывалом, но почти сразу потемнел от грязи и сырости. Снежинки падали жёстко, били по щекам ледяной крупой и исчезали, едва касаясь земли. Лиор и Эллара остановились у болота. Чёрная вода застыла без движения и отражала не небо, а густую тьму. От поверхности не исходило никакого запаха. Именно это пугало сильнее всего. Болото всегда пахнет.

— Тропа проходит под водой, — тихо сказала Эллара. Она показала на цепочку камней, едва выступавших из чёрной глади. — Нужно идти по ним. Останавливаться нельзя.

Лиор кивнул. Холод уже проник под одежду и устроился между лопатками тяжёлой чужой ладонью.

— Держись рядом, — прошептал он. — Руку не отпускай.

Они ступили на первый камень, затем на второй. Поверхность была скользкой и покрытой мягким налётом, который прогибался под ногами. Вода несла не просто холод. В ней чувствовалась смерть — отсутствие жизни, памяти и будущего. Каждый шаг отдавался в груди глухим ударом. Казалось, болото забирало не только вес путников, но и их силы. Лиор начал считать про себя, двигая губами, чтобы удержаться за хоть какой-то порядок. На середине пути вода вздулась. Из чёрной поверхности поднялись тёмные силуэты. Это были не люди и не стражники. Из ила, тины и древних теней возникли существа, жившие здесь задолго до появления замка. Грязь стекала с их плеч вязкими полосами. В глубине лиц мерцал тусклый болотный свет. Руки вытягивались к Лиору и Элларе, превращаясь в подобие живых корней. Они хотели утащить путников туда, где не существует ни света, ни воспоминаний, ни надежды.

— Не смотри на них! — крикнул Лиор, когда одна из фигур потянулась к Элларе. — Смотри на меня!

Эллара сжала его ладонь. Пальцы побелели у обоих.

— Я здесь, — прошептала она. — Я рядом.

Болото не собиралось отпускать добычу. Камни один за другим начали погружаться в воду. Они исчезали без всплеска, уходя вниз под невидимым давлением. Тропа, ещё недавно казавшаяся надёжной, рассыпалась под ногами. Эллара поскользнулась. Нога ушла в воду по колено. Она попыталась удержать равновесие, но из темноты выстрелила длинная гибкая тень и обвилась вокруг её талии.

— Нет!

Лиор рванулся к ней, перехватил руку, потом рукав, потом пальцы. Тень оказалась сильнее. Она тянула Эллару вниз, а её тело с каждым мгновением становилось всё прозрачнее. Тьма растворяла её, забирала форму и вес. Ладонь Эллары в руке Лиора легчала.

— Лиор! — крикнула она. Её голос прозвучал хрипло и отчаянно. — Найди его! Не останавливайся! Найди Виктора!

В следующую секунду Эллара исчезла. Она не просто ушла под воду. Тень поглотила её, превратила в часть чёрной глади. Поверхность сомкнулась ровно, без круга, пузырей и следа. Лиор остался на последнем камне, ещё не скрывшемся под водой. Он смотрел на место, где только что стояла его жена. В груди оборвалась натянутая струна. Он рухнул на колени. Вода обожгла кожу, но боль не дошла до сознания. Лиор не слышал ветра, не замечал снега, не видел ничего, кроме зияющей пустоты перед собой. В памяти снова и снова звучали последние слова Эллары: «Найди Виктора».

Но как найти сына, если только что потерял её? Как продолжить путь, когда каждый шаг отдаляет его от жены? Лиор оказался перед выбором. Спасать Виктора, который ждал его в замке, или искать Эллару, поглощённую болотной тьмой? Он сжал флягу. Металл впился в ладонь, но даже этой боли Лиор почти не ощущал. Несколько капель воды могли открыть проход и привести его к Виктору. Для возвращения Эллары их не хватило бы.

«Я не могу выбрать», — думал он.Страшнее всего было другое: выбор существовал. И принять его всё равно придётся.

* * *

В тот миг, когда тьма забрала Эллару, Виктор почувствовал случившееся.

Это не было звуком или видением. По телу прошёл резкий холод, а в груди возникла пустота. Будто из него вырвали часть тепла и оставили глубокую рану.

Виктор остановился посреди коридора. Надзиратель вёл его после очередного «урока». Стена качнулась перед глазами, ноги ослабли, и мальчик едва не упал.

— Что с тобой? — рявкнул надзиратель. Он дёрнул Виктора за плечо, заставив сустав болезненно хрустнуть. — Вставай! Тебе запрещено останавливаться!

Виктор упёрся костяшками в холодный камень и попытался удержаться на ногах. Внутри всё дрожало.

— Мама, — выдохнул он.

Одно слово стало молитвой, заклинанием и последней надеждой.

— С мамой что-то случилось.

Надзиратель презрительно фыркнул.

— У тебя больше нет матери. Есть только господин Нокт. И ты будешь исполнять его приказы.

Виктор не ответил. Он ощущал это всем телом: мама ушла. Не в соседнюю комнату, не в дальний край замка — из его мира. Навсегда. Боль жила под рёбрами, с левой стороны. Виктор не мог объяснить её, но знал, где она находится. Внутри смешались страх, отчаяние и обида. Страх за мать резал изнутри, заставляя сжиматься. Страх за себя звучал тише, но не прекращался: «А если они правы? Если родители не придут? Если он останется в замке навсегда?» Обида была горькой и колючей. Виктор злился на родителей за молчание, за неподготовленность, за то, что они не научили его защищаться. Он злился на них за собственное одиночество. Пока он сидел в холодных стенах замка, они находились где-то далеко — и, возможно, даже не пытались его спасти. Обида разожгла другое чувство. Гнев. Он вспыхнул резко, прошёл по рукам, поднялся к горлу. Виктор испугался силы, которая внезапно проснулась внутри. Он злился на родителей, на Нокта, на весь мир, допустивший его плен.

— Я не хочу быть слабым! — выкрикнул мальчик.

Он рванулся из хватки надзирателя. Ворот затрещал.

— Я не буду сидеть и ждать!

Надзиратель остановился. На лице мелькнуло недоумение, затем его сменило раздражение. Мужчина схватил Виктора за воротник и впечатал в стену. Затылок мальчика ударился о камень.

— Замолчи, — прошипел надзиратель. — Делай то, что тебе велят. Иначе узнаешь, что такое настоящая боль.

Виктор смотрел ему прямо в глаза. Внутри бушевал хаос. Хотелось ударить, закричать, вцепиться зубами в чужую руку. Он понимал, чем всё закончится. Поэтому Виктор стиснул зубы, терпя боль в челюсти, и тихо произнёс:

— Я всё запомню. Я не стану таким, каким вы хотите меня видеть. Даже если вы отнимете у меня всё.

Надзиратель усмехнулся и разжал пальцы. Виктор сполз по стене на несколько сантиметров, но сумел остаться на ногах.

— Посмотрим, — сказал надзиратель. — Посмотрим, сколько продержится твой огонь.

Его толкнули в спину. Виктор пошёл по коридору. Гнев смешивался с отчаянием и становился тяжёлым, тянул к полу. Но он же помогал держаться. Мальчик не хотел оставаться жертвой. Он собирался сопротивляться — тихо, незаметно, хотя бы внутри себя.

В камере его ждала Мира. Она сидела у стены, обхватив колени руками. Когда дверь со скрипом открылась, Мира резко подняла голову, и спутанные волосы качнулись у лица.

— Ты вернулся, — тихо сказала Мира. В её голосе прозвучало облегчение. — Я боялась, что они оставят тебя там.

Виктор сел рядом, прислонился спиной к холодной стене и долго не мог подобрать слова.

— Они хотели стереть всё из моей памяти, — наконец прошептал он. — Дом. Родителей. Всё, что связывает меня с прошлой жизнью.

Мира положила голову ему на плечо. От этого простого прикосновения дышать стало немного легче.

— Но ты помнишь, — сказала она. — Значит, они ещё не победили.

Виктор закрыл глаза и попытался вызвать образ матери: её улыбку, руки, голос. Воспоминание теряло ясность. Края расплывались, детали исчезали одна за другой.

— Я боюсь, что однажды забуду её лицо, — признался он. — Проснусь и не смогу представить, какой она была.

Мира крепче обняла его, удерживая рядом всем телом.

— Тогда я сохраню эту память для тебя, — твёрдо ответила она. — Буду помнить до тех пор, пока ты снова не вспомнишь сам.

Виктор кивнул. Глаза обожгли слёзы — горячие, злые, унизительные. Он запрокинул голову и не позволил им пролиться. Плакать он не хотел. Ему требовались гнев и сила. Он хотел превратить боль в оружие.

* * *

Лиор долго блуждал по мрачным землям, не понимая, куда направляется и ради чего продолжает путь. Он двигался, потому что остановка причиняла ещё больше страданий. Болото осталось далеко позади, но тьма, поглотившая Эллару, не отставала.

Он проходил через чащи, где ветви склонялись к нему и цеплялись за одежду. Спускался в пещеры, где эхо возвращало не звук его шагов, а голос Эллары. Пересекал долины, в которых ветер перебирал её имя и рассыпал его у ног.

Лиор несколько раз пытался добраться до замка, но каждый раз путь обрывался. Невидимая сила давила на грудь и отталкивала его назад. Тропа незаметно меняла направление и снова приводила к той же расщеплённой сосне. Воздух густел, и каждый шаг давался с трудом. Он чувствовал себя сломленным. Вместе с Элларой исчезла часть его самого, а без неё Лиор не понимал, как двигаться дальше.

Однажды, когда сквозь тяжёлые тучи пробился слабый дневной свет, он остановился у древнего каменного круга. Плиты заросли мхом и покрылись незнакомыми знаками. Лиор сел на один из камней. Холод быстро проник в одежду, поднялся к пояснице и разошёлся по костям. Он закрыл лицо ладонями. От пальцев пахло болотной водой и железом.

— Я не знаю, что делать, — прошептал он. Собственный голос показался ему слабым и непривычным. — Я не могу идти дальше. Не могу оставить её. Но не имею права забыть о нём.

Ветер зашуршал в сухой траве, однако Лиор не прислушался. Он смотрел на флягу, зажатую в руке. На дне оставалось несколько капель — тонкая полоска живой воды. Этого не хватило бы для спасения Виктора. Не хватило бы и для возвращения Эллары. И тут Лиор понял главное. Без Эллары он не спасёт сына. Виктор был их общим ребёнком, единственной связью, которая делала их семьёй. Потеряв Эллару окончательно, Лиор потеряет и самого Виктора — не телом, а душой. Он уже не сможет стать отцом, который нужен мальчику. Сначала требовалось вернуть Эллару. Или хотя бы найти путь к ней и восстановить связь, которую тьма разорвала. Лиор поднялся. В груди снова появился слабый огонь. Он не согревал и не обещал победы, но продолжал гореть.

— Я найду тебя, — сказал Лиор, глядя в сторону болота. — Вернусь за тобой, даже если придётся пройти через всю тьму этого мира.

Он развернулся и пошёл назад — к месту, где исчезла Эллара. Ветер бил в лицо, и от этого становилось легче. Лиор не знал, где искать жену и что сделает после встречи с ней. Но теперь он понимал одно: продолжать путь без попытки вернуть её не сможет.

* * *

В далёком замке Виктор сидел в камере, обхватив колени. Он повторял про себя: «Я помню. Я помню вас. Я дождусь».

С каждым днём эти слова давались всё труднее. Они уже не звучали клятвой. Это была отчаянная попытка удержать память, уходившую сквозь пальцы. Вера угасала постепенно. Сначала Виктор перестал видеть родителей во сне. Потом появились сомнения. А мама действительно улыбалась именно так? Папа правда произносил у камина ту фразу или мальчик сам придумал её, чтобы сохранить ощущение домашнего тепла? Затем исчезли запахи. Виктор

больше не мог вспомнить, чем пахли мамины руки. Каждая попытка восстановить это ощущение приносила новую боль.

— Расскажи ещё раз, — просил он Миру. Его голос становился тоньше, а силы уходили с каждым словом. — Расскажи про камин. Про папин смех.

Мира кивала и начинала сначала. Она подбирала детали, способные вернуть в его память тепло, свет и движение.

— Ты сидел у отца на коленях, — говорила она. — Он держал тебя обеими руками, а ты тянулся к огню, пытаясь поймать язычок пламени. Мама смеялась и повторяла: «Не обожгись, мой свет».

Виктор закрывал глаза, вытягивал шею, стараясь разглядеть прошлое. Но картинка распадалась. На месте камина возникали серые стены. Мамин смех сменялся гулким эхом шагов.

— Я помню, — шептал он.

Иногда Виктор уже не понимал, осталась ли в нём настоящая память или он просто повторяет рассказ Миры, как выученный текст.

— Ты помнишь, — каждый раз отвечала она. — Это было на самом деле. Ты жил дома, тебя любили, и родители идут за тобой. Никакая тьма не способна отменить это.

Но замок действовал медленно и терпеливо. Он не кричал и не торопился. После каждого «урока» Виктор возвращался с ещё одним пробелом внутри. Надзиратели водили его по одинаковым коридорам. Он видел одни и те же лица, пустые комнаты и каменные стены. Повсюду царили холод и приказ. Постепенно эти серые картины стали казаться реальнее далёкого дома.

Однажды Виктор вернулся в камеру, сел у стены и надолго замолчал. Мира наблюдала за ним, не решаясь заговорить. В его молчании была не только усталость. Там поселилась растерянность, от которой становилось страшно.

— Мира, — наконец произнёс он. В голосе не осталось ни гнева, ни прежнего упрямства. — А если я всё придумал? Если дома никогда не существовало? Если я создал эту историю, чтобы не сойти с ума?

Мира вздрогнула. Эти слова ранили сильнее любого упрёка. Перед ней сидел не непокорный мальчик, а ребёнок, терявший себя.

— Нет, — резко ответила она.

Мира придвинулась и крепко взяла Виктора за руки.

— Дом был. Твои родители были. Ты был любимым ребёнком. Они идут за тобой, и я не позволю тебе забыть это. Даже если твоя память исчезнет, я сохраню её для нас обоих.

Виктор поднял глаза. На мгновение в них мелькнула благодарность, но сомнение никуда не делось. Оно осталось внутри тяжёлым холодом, которому не помогали ни слова, ни объятия.

— Прости, — прошептал он. — Я стараюсь. Правда стараюсь. Но иногда мне кажется, что стоит открыть глаза — и вокруг останется один замок.

Мира мотнула головой.

— Тогда мы будем удерживать прошлое вместе. Я стану рассказывать тебе всё заново, столько раз, сколько понадобится. Пока ты снова не почувствуешь правду.

Она говорила о камине, тенях на стенах, запахе свежей выпечки. Вспоминала, как Виктор боялся пауков, но всё равно ползал к ним, чтобы наблюдать за работой. Мира добавляла новые детали, когда старые начинали тускнеть. Она не пыталась обмануть его. Ей нужно было дать Виктору опору. Мальчик слушал и понимал: его жизнь всё сильнее зависела от памяти Миры. Его собственные воспоминания становились тонкими и хрупкими. От этого появлялся новый страх — однажды проснуться и не узнать даже собственного голоса.

Дверь камеры снова заскрипела. На пороге появился надзиратель. Виктор поднялся, опираясь ладонью о стену. Ноги дрожали от изнеможения. Ему приходилось бороться не только с людьми, но и с силой, стиравшей его изнутри.

— Иди, — тихо сказала Мира.

В её голосе звучала невысказанная мольба: не позволить замку забрать его полностью. Виктор кивнул, сделал шаг к выходу, затем остановился и оглянулся.

— Если я забуду… если больше не смогу вспомнить, ты продолжишь рассказывать?

Мира сжала кулаки. Она готова была сражаться с самой тьмой, лишь бы та не забрала у него прошлое.

— Продолжу, — ответила она. — Даже если ты перестанешь узнавать меня. Даже если поверишь им, а не мне. Я буду говорить, пока у меня останется голос.

Виктор снова кивнул. В этом движении было больше просьбы о помощи, чем согласия. Он вышел в коридор. Дверь закрылась, отрезав его от маленького островка тепла, который они с Мирой старались сохранить вместе.

По пути в тренировочный зал Виктор снова повторял про себя: «Я помню. Я помню».

Теперь эти слова звучали не обещанием, а заклинанием, которое слабело с каждым повтором. Он шептал их в ритм шагов, цепляясь за привычный порядок. Виктор боялся замолчать даже на мгновение: вдруг после паузы он уже не сумеет произнести их снова.

* * *

В глубине замка, за тяжёлыми запертыми дверями, господин Нокт следил за мальчиком через узкие щели в стенах. На его губах едва заметно играла улыбка.

Ему не требовались крики и наказания. Достаточно было ждать. Рано или поздно Виктор сам должен был усомниться в прошлом и перестать верить, что когда-то жил в доме, где его любили.

Тем временем Лиор продолжал путь по тёмной лесной дороге. Впереди его ждало неизвестное, но теперь у него появилась цель: найти Эллару. Пока он искал жену, он не оставлял и Виктора. Любовь к ним обоим вела его вперёд даже там, где дорога исчезала, а силы подходили к концу.

Лес шевелил ветвями и посылал сквозь тишину едва слышный зов: «Не сдавайся. Пока ты помнишь, путь ещё существует».

Лиор держался за эти слова. Он не знал, где искать Эллару и что произойдёт после встречи с ней. Но одно оставалось неизменным: пока он помнит, кем они были друг для друга, у их семьи есть шанс. Этот шанс значил для него больше, чем живая вода и любое чудо. В нём не было магии — только правда, которую невозможно отнять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.